

СЕКЦИЯ 3

ВЫСШЕЕ ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ДИНАМИКЕ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭСТЕТИКИ РУССКОГО АВАНГАРДА НА ПРИМЕРЕ ВАСИЛИЯ КАНДИНСКОГО И КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА Парусимова Я.В., канд. филос. наук, Беймурзаев А.С.	409
К ИСТОРИИ ИДЕЙ ЭКВИПОТЕНЦИАЛЬНОСТИ И НЕЭКВИПОТЕНЦИАЛЬНОСТИ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА Беляев И.А., д-р филос. наук, доцент	415
ВОЗМОЖНОСТЬ НРАВСТВЕННОГО ПРОГРЕССА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК СЛЕДСТВИЕ ОСОЗНАНИЯ СВОБОДЫ Булгаков М. Н.....	419
ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МОЛОДЁЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Вертяков Д.А.	426
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ОСНОВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ Жайбалиева Л.Т., канд. ист. наук	433
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ПРИ БАНКРОТСТВЕ Зайка Е.С.	436
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМАТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН-УЧАСТНИЦ СНГ Карабаева К.Д., канд. филос. наук, доцент, Волошин Н.А. ..	440
ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ Коваль А.Д.	444
РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА Лепендина Т.В.	448
ТРАНСГУМАНИЗМ КАК ПАРАДИГМА ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ЕГО ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА Писарчик Л.Ю., канд. филос. наук, доцент, Недорезов В.Г., канд. филос. наук, доцент..	452
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ Орлова Е.В., канд. филос. наук	459
ОБРАЗ ОБЪЕКТА СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ Перехода М.А.	466
К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИДЕЙ САТАНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ Перцева У.С.	469
КИНОЭКСПРЕССИОНИЗМ НЕМЕЦКОГО РЕЖИССЕРА ФРИЦА ЛАНГА Сербаев Р.А.	473

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭСТЕТИКИ РУССКОГО АВАНГАРДА НА ПРИМЕРЕ ВАСИЛИЯ КАНДИНСКОГО И КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА

Парусимова Я.В., канд. филос. наук, Беймурзаев А.С.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Оренбургский государственный университет»**

Для чего нам искусство? Каким образом оно влияет на нас? Каким должен быть язык искусства? Античные философы задавали эти вопросы, и их ответы были достаточно плодотворными, чтобы служить и на сегодняшний день. Они говорили, что искусство – это метод обучения через восторг, а его способ – подражание и идеализация видимого мира [8, С. 55-57].

Однако, искусство существовало ещё до древних греков, с иными правилами и принципами. На первое место ставилось не подражание увиденному, а формы, цвета, ритмы, обобщение реальных объектов или вовсе отказ от таковых. Рассматривая первобытное искусство можно заметить, как универсален и искренен язык формы и цвета. И то же самое мы можем увидеть в наивном искусстве.

К отказу от предметности, определенности, реальности авангардные художники пришли после того, как изобразительное искусство достигло пика подражания и идеализации. Что также было реакцией на появления первых из современных медиаформ искусства – фотоискусства в конце XIX-начале XX веков. Тем не менее, по сей день большинство людей все еще требует, чтобы картина или скульптура изображали *что-то*, и желательно что-то симпатичное. Отказ от этой функции казался нарушением долга художника перед обществом, перед его зрителями. Не только зрители, но и многие художники, считали, что подражание всегда должно оставаться основой искусства [8, С. 55-57]. К тому же фотография до сих пор не вытеснила живопись и не каждое фото является произведением искусства.

Тем не менее искусство начала XX века получило новый виток именно благодаря развитию технологий, тогда же началось отклонение от академических стандартов. Сложно сказать, с чего конкретно началось абстрактное искусство. Слишком много факторов влияющих на определение, и выше перечислены только некоторые из них. Следует отметить неоднородность абстрактного искусства. Безусловно, сложно на первый взгляд различить работы Жоржа Брака и Пабло Пикассо, но их не спутать с произведениями Питера Мондриана. Конечно, если взглянуть на работы кубистов и неопласицистов, то различия бросаются в глаза. А если различия не столь ощутимые на первый взгляд?

Несмотря на то, что в разговоре о беспредметном искусстве, имена Василия Кандинского и Казимира Малевича зачастую стоят, если не в одном предложении, то точно на одной странице, обнаруживаются существенные различия, в особенности в философских основаниях их творчества. Помимо своих известных живописных работ, оба являются авторами множества текстов,

где подробно объясняют своё видение искусства и роль творчества. Эти тексты до сих пор переосмысливаются многими отечественными и зарубежными философами. К примеру, пару лет назад вышла коллективная монография «Философия русского авангарда» (под ред. Ростовской Н.Н. 2019 г), посвященная анализу различных философских аспектов деятельности художников-авангардистов [7]. Однако, большинство авторов не видят принципиальных различий во взглядах К. Малевича и В. Кандинского. На наш взгляд это неверно.

Разница в возрасте между Василием Кандинским и Казимиром Малевичем чуть больше десятка лет. Кандинский родился в 1866 году, Малевич – в 1879. Однако период их творческой деятельности совпадает. Оба являются известными русскими художниками, теоретиками изобразительного искусства, оба основали свои творческие объединения. Оба они – философствующие художники.

Василий Кандинский не сразу стал художником. По образованию он был юристом. Однако будучи вдохновлённым после посещения выставки импрессионистов в России, и в частности, большое впечатление на него произвела картина Клода Моне «Сток сена», решил посвятить свою жизнь искусству и отправился в Мюнхен учиться живописи. На тот момент ему уже было больше тридцати лет. Отдельно стоит отметить, что импрессионизм – художественное направление в искусстве и в частности в живописи, где вопреки устоявшимся академическим канонам, необходимо было запечатлеть реальный мир наиболее живо, естественно, во всем его движении. Для художника импрессиониста наиболее важными элементами считались цвет и свет.

В. Кандинский – участник художественного объединения «Синий всадник». Группа «Синий всадник» являлась группой художников экспрессионистов. По воспоминаниям самого Кандинского название было придумано вместе с сооснователем группы художником Францем Марком. «Название «Синий всадник» мы придумали за кофейным столом в саду в Зиндельдорфе. Мы оба любили синий, Марк — лошадей, я — всадников. И название пришло само» [2, С.94].

В экспрессионизме на первый план выходит уже не достоверное изображение, а передача эмоционального состояния. И в частности именно этот факт повлияет на дальнейшее творчество и мироощущение Василия Кандинского. Он полностью уйдёт от предметного изображения – чистого подражания природе к беспредметной живописи.

Казимир Малевич с детства увлёкся рисованием и жил жизнью художника до самой смерти: зачастую был беден, недоедал, посвящал время рисованию и искал себя в разных живописных стилях, в поисках чего-то своего. Так пока не пришёл к супрематизму. За время творческих поисков он успел попробовать себя в импрессионизме, экспрессионизме, фовизме, кубизме и футуризме. Из последних двух он и выведет супрематизм: для кубизма, как для жанра живописи характерно разложение предметов на простые элементы, дабы

показать изображаемый предмет с разных сторон; футуризм же в живописи изображал стремление к будущему и свержение традиций.

Художественное объединение УНОВИС возникло на базе госучреждения, сам Малевич выступил в роли руководителя учебного учреждения. Отношения новой власти и Малевича достаточно сложные. С одной стороны, и новая власть, и Малевич начинали сражение за изменение мироустройства, с другой стороны власть диктовала преимущество материального (предметного) над духовным, тогда как сам Малевич предметы не жаловал, хотя и понимал парадоксальность того, что, изображая беспредметное, он создаёт предметы, будь то картины или плакаты для оформления города [6, С. 120-124].

Из всего вышесказанного, уже можно отметить, что база формирования абстрактного мышления у двух художников разная. Для Василия Кандинского на первый план выходят цвет и чувства, что можно увидеть в его работе «О духовном искусстве», для Малевича – форма, что можно увидеть в работе «От кубизма к супрематизму. Новый живописный реализм.» Однако оба художника очищают свои произведения не только от предметов, но и от связанных с предметами смыслов, говоря о том, что бессмысленно повторять за мастерами прошлого, вне контекста этого самого прошлого. В целом в концепциях обоих художников проскальзывают узнаваемые и наиболее распространённые в то время философские идеи. Например, на наш взгляд можно соотнести концепцию априорного знания Иммануила Канта с духовной живописью Кандинского. Так как он не стремился передать понятные зрителю предметы, а чувства, которые познаются ещё до момента познания. По сути абстрактная живопись Василия Кандинского есть ничто иное, как графическо-живописная демонстрация априорной формы чувственности. Да, в картине сложно показать течение времени, оно там замерло, остановилось и так или иначе демонстрирует момент времени создания этой картины. Однако пространства в картинах предостаточно. И оно не обязательно должно быть конкретным. Беспредметная живопись говорит нам, что не нужны какие-либо узнаваемые ориентиры чтобы сложить в воображении пространство. Можно сказать, что круг дальше треугольника, или что линия уходит в глубь от нас, при этом объёмное пространство, воспринимающееся как объёмное, будет всё ещё плоским в действительности.

Несколько по-иному обстоят дела у Казимира Малевича. Его супрематизм своего рода демонстрация отчуждённости и попытки эту отчуждённость преодолеть. Причём сложно сказать, о какой конкретно отчуждённости будет идти речь: Гегелевской (одной из трёх) или Маркс-Энгельс-Ленинской? Материалистом Малевича точно нельзя назвать. Однако дух он рассматривал так же, как Людвиг Фейербах Бога. Нечто, что придумали люди и придали этому значение. «Все потребительские вещи должны быть созданы из вещества, подготовленного этим разумом. Потребительские вещи одухотворяются благодаря поддерживающему их духу. Человек одухотворяет вещь через процесс творения – только та вещь жива, в которую человек вдохнул жизнь (чем он не Бог?). По общепринятым избитым понятиям дух есть

что-то вроде горячего источника, который согревает созданную им вещь. Вещь жива до тех пор, покуда не уничтожат её окружающие условия, покуда не испарится её горячий источник – дух» [5, С. 362]. Супрематизм предполагал преодоление творческого отчуждения, причём в идеологическом плане. Художник, как производитель, должен был перестать делать, словно машина или печатный станок, предметы искусства «классического» типа и перейти к новому искусству через разрабатываемую в то время теорию супрематизма. Практика же была лишь средством закрепления теории, а не целью реализации

Схожесть с распространёнными и широкоизвестными философскими идеями того времени с мыслями художников отметил Василий Васильевич Бычков в своей работе «Русская теургическая эстетика». Например, идеи Кандинского созвучны идеям Владимира Соловьёва, Дмитрия Мережковского, Павла Флоренского, неоплатонистов и др. [1, С. 579-581]. Казимир Малевич же вероятно черпал вдохновение у Шопенгауэра, Ницше, из античной, буддийской философии и прочих популярных на то время философских направлениях [1, С. 597]. Однако, Бычков так же отмечает то, что сходство всего лишь вероятно. Хотя исследований прямого влияния названных философов на теорию русского авангарда нет, на наш взгляд, подобные научные исследования могут быть весьма продуктивным.

Целью искусства Василий Кандинский видит передачу художником чистого внутреннего звучания под влиянием внутренней необходимости. При этом нет никакого конкретного места зарождения ни звучания, ни необходимости. Они не умопостигаемы. Кандинский, говоря о возникновении внутренней необходимости, называет причины «мистическими» [3, С. 130].

Слово «звучание» Василий Кандинский использует в своей работе чаще всего. Оно относится и к цвету, и к формам, и к соотношению цветов, и отношению форм. И у всего собственное звучание. Комбинируя цвета и формы можно достичь гармонии, однако в разных комбинациях одно и то же сочетание формы и цвета звучит по-разному. В целом, то, что Кандинский называет внутренним звучанием сейчас вполне можно назвать эстетическим воздействием [3]. В основе супрематизма, по мнению Малевича, лежит «конструкция плоскостей, свободных от взаимоотношений как цвета, так и формы» [4, С. 121].

Для Малевича главной целью искусства было создание нового миростроения, без опоры на старое. Причем создание было по большей части идейным, однако не лишённое материального, утилитарного воплощения. «Новая война материалам объявлена. Они будут побеждены системой производства, и их ждет в нем преобразование. И в новой войне должны стать вожди новых искусств, ибо новая форма архитектуры, в широком смысле слова нашей современности, в них они несут новые артерии систем, образуя ее как форму нового смысла и сознания <так!>. Армии трудовых сил взроют материалы не для старых форм, а для новых. Основываясь на этом действительном соответствии, пришли к творящему и утверждающему

Уновису, поставившему себе цели бороться за образ утилитарного нового миростроения» [6, С. 120-124].

Отдельно стоит отметить рассуждения художников о гармонии и свободе. Кандинский считал, что гармония основана на принципе контраста, затрагивающего человеческую душу, как соединение в себе воедино противоположности и противоречия [3, С. 56], а Малевич, что гармония – находится в вечно изменяющейся динамике, что так же говорит о не статичном проявлении гармонии [4, С. 116].

И тут, казалось бы, есть схожесть, но позволю себе заметить, если бы меня попросили проиллюстрировать слова этих художников, то слова Кандинского изображались бы, как двойная спираль, движущаяся в центр, тогда как Малевича иллюстрировала бы зигзагообразная линия. И в той, и в другой иллюстрации есть развитие, в том числе и с художественной точки зрения, но они кардинально разные по характеру. Или же, говоря философскими терминами, по Кандинскому гармония познаётся диалектично, тогда как по Малевичу – конвенционально.

Если говорить о свободе, то здесь так же есть сходства: оба считали художника несвободным. Кандинский – условно, Малевич – абсолютно. Условная свобода художника, по мнению Василия Кандинского, заключена в том, что каждый художник в праве выбирать те средства, которые считает нужными, действуя из внутренней необходимости. Проще говоря, «свобода – познанная необходимость», как утверждал Бенедикт Спиноза. Он свободен в искусстве, но не в жизни и он несёт ответственность, так как он должен продуктивно использовать данный ему талант, должен помнить о том, что поступки, мысли и чувства его, как и любого другого человека, образуют духовную атмосферу, очищая или заражая окружающую среду и что поступки, мысли и чувства являются материалом для его творений, которые, в свою очередь, воздействуют на духовную атмосферу [3, С. 123]. Казимир Малевич говорит больше о внешней несвободе художника от систем конструкций и законов [4, С. 116].

Как мы можем заметить, взгляды художников на цель искусства, основы творческого процесса, видение своей собственной роли в искусстве и идеологическом поле молодого советского государства различаются. Однако и Кандинский, и Малевич стремились к созданию нового искусства, которое изменит мир. Только менять мир оно будет по-разному. Василий Кандинский обращается к чувственному миру человека, тогда как Казимир Малевич – к идеологическому. Казалось бы, здесь есть сходство с господствующими тогда идеями Маркса-Энгельса-Ленина и противоположенным им идеями веховцев, которые критиковались по политическим соображениям. Сам Ленин был за доступное понимание искусство про крестьян и для крестьян. И здесь берёт начало чисто утилитарная цель искусства. И Кандинский, и Малевич не смогли прийти к доступности, понятности, а также к чистой утилитарности. Не было доступности и понятности, что, в целом соотносится с современной ситуацией. Да, оба создали свою философию и успешно читали лекции, на первых порах

их поддерживало правительство, так как новое искусство означало хорошее искусство – партийное. То есть из всех возможных утилитарных функции работы этих авангардистов носили иллюстративно-учебно-образовательный характер. Но и с этой функцией они справлялись с переменным успехом. Однако стоит помнить, что помимо утилитарной функции есть ещё и эстетическая функция, к которой искусство всегда склонялось сильнее. Бычков даже называет Казимира Малевича не философом, а эстетом [1, С. 603]. Как мы помним, ни Малевич, ни Кандинский не преследовали цели создания искусства ради искусства. Искусство, по мнению Кандинского, призвано служить развитию человеческой души [3, С. 140]. А по мнению Малевича – искусство должно создавать новое миростроение [6, С. 120-124].

Список литературы

1. Бычков, В.В. Русская теургическая эстетика / В.В. Бычков. М.: Ладомир, 2007. – 743 с. – ISBN 978-5-86218-468-6
2. Демпси Э. Синий всадник // Стили, школы, направления: путеводитель по современному искусству. – М.: Искусство – XXI век, 2008. – 306 с. – ISBN 978-5-98051-053-4.
3. Кандинский, В. В. О духовном в искусстве [Текст] / Василий Кандинский. – М. : Эксмо-Пресс, 2016. – 151, [3] с. – (Великие личности). – ISBN 978-5-699-91768-6
4. Малевич, К.С. Собрание сочинений [Текст]. В 5 т. Т.1 Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы, 1913-1929 / К. С. Малевич. – М. : Гилея, 1995. – 393 с.
5. Малевич, К.С. Собрание сочинений [Текст]. В 5 т. Т.3 Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой / К. С. Малевич. – М. : Гилея, 2000. – 390 с.
6. Советское искусство за 15 лет. Материалы и документация / под ред. И. Маца. – М.; Л.: ОГИЗ, 1933. – 664 с.
7. Философия русского авангарда: коллективная монография [Текст] / под ред. Н.Н. Ростовской. – М. : РГ-Пресс, 2018. – 128 с. – ISBN 978-5-9988-0649-0
8. Norbert Lynton «The story of modern Art» – Phaidon Press Limited.– Hong Kong, 1999. – 397 с. – ISBN 0-7148-2422-4

К ИСТОРИИ ИДЕЙ ЭКВИПОТЕНЦИАЛЬНОСТИ И НЕЭКВИПОТЕНЦИАЛЬНОСТИ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Беляев И.А., д-р филос. наук, доцент

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»

Лаконичное изложение результатов осуществлённого исследования начну с указания значений ключевых для него понятий способностей человека, эквипотенциальности и неэквипотенциальности.

Под способностями человека здесь понимается совокупность системных свойств, присущих ему как целостности. Наличие комплекса этих свойств, каждое из которых представляет собой «определённость своего в ином» [13, с. 67], позволяет человеку «самоутвердиться в Мире посредством реализации своих сущностных природных, социальных и духовных сил» [4].

Термины, обозначающие понятия эквипотенциальности и неэквипотенциальности, имеют латинское происхождение. Первый из терминов, «эквипотенциальность», возникший в рамках естественных наук и закрепившийся в них, образован посредством соединения латинских слов «aequus» (равный) и «potentia» (мощность). Второй, противоположный по значению термин «неэквипотенциальность» является результатом присоединения к первому термину отрицательной частицы «не». В контексте настоящего исследования эквипотенциальность выступает как изначально-сущностное равенство свойств (потенциалов) двух и более аналогичных объектов. Под неэквипотенциальностью же, соответственно, допустимо понимать отсутствие равенства такого рода.

Думается, что философии не стоит игнорировать эвристические возможности использования двух этих терминов. В частности, посредством их сопряжённого применения можно весьма точно характеризовать присущие человеку способности. Между тем, масштабы обращения философов к обсуждаемым терминам при анализе специфики способностей человека пока ещё далеки от вхождения в традицию. Наличие данного факта приходится признать, причём несмотря на то, что идеи эквипотенциальности и неэквипотенциальности присущих человеку способностей выглядят как заведомо взаимоисключающие, но наряду с этим имеют весьма длительную историю сначала параллельного, а затем – взаимозависимого и взаимообогащающего развития.

Теперь надо обозначить некоторые особенности становления обсуждаемых идей.

Появившись в античную эпоху, *идея эквипотенциальности способностей* получила воплощение в образе чистой доски, предназначенной для письма, но пока ещё не применявшейся по назначению. Термином «*tabula rasa*», являющем собой латинский эквивалент термина «чистая доска» долгое время обозначалось исходное состояние ума только что родившегося человеческого

существа. Данный термин встречается в работе Аристотеля «О душе»; в ней античный мыслитель напрямую сопоставляет табличку, на которой пока не написано ничего, с состоянием человеческого ума [3]. Позднее элементы содержания понятия, чьим репрезентантом выступает термин «*tabula rasa*», более или менее явственно используют для обозначения своих взглядов и многие другие крупные философы, например – Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк, Э. Кондильяк и К. А. Гельвеций [5; 6; 7; 9; 11], что допустимо, надо полагать, интерпретировать как их приверженность идее эквипотенциальности способностей.

Так, по мысли Гоббса, люди созданы природой «равными в отношении физических и умственных способностей» [7, с. 93.]. Локк, в свою очередь, ведёт речь о равенстве людей в исходном отсутствии знаний и их неравенстве применительно к имеющимся у них способностям [11.].

Идея неэквипотенциальности способностей получила известность благодаря интеллектуальным усилиям Платона, напрямую связывающего различные способности человека с врождённым, данным ему свыше естеством [14; 15]. В дальнейшем эта идея получила развитие в трудах аль-Фараби, Х. Уарте и Г. В. Лейбница [1; 2; 10; 17].

Аль-Фараби, в частности, демонстрирует уверенность в том, что разнообразные способности имеют природное происхождение, а индивидуальное неравенство, свойственное людям изначально, непременно усугубляется в процессе жизни. Каждый представитель человеческого рода оказывается в большей степени предрасположенным к успешному выполнению одних действий, и в меньшей – других. Высокий уровень совершенства способностей, по его мысли, может быть достигнут посредством целенаправленного воспитания. Те же способности, которые оказываются недостижимыми для воспитательных воздействий, неизбежно деградируют [1; 2].

Согласно Уарте, способности человека непосредственно зависят от его телесных особенностей, а также от того, какова специфика тех условий, в которых ему приходится жить [17]. Лейбниц объявляет способности человека врождёнными, данными ему виде нуждающихся в воплощении задатков [10].

Идеи эквипотенциальности и неэквипотенциальности способностей человека только выглядят категорически несовместимыми, взаимоисключающими. Они, как свидетельствует история философской мысли, вполне поддаются синтезу. Приоритет в осуществлении синтетического подхода в изысканиях соответствующей направленности принадлежит, прежде всего, таким мыслителям, как Д. Дидро, А. Смит, К. Маркс и Ф. Энгельс [8; 12; 16], сумевшим представить рассматриваемые идеи в диалектическом единстве.

Таким образом, идеи неэквипотенциальности и эквипотенциальности способностей более двух тысяч лет развивались параллельно и относительно независимо друг от друга. У каждой из них были свои сторонники среди мыслителей, незаурядные интеллектуальные заслуги которых признаются современными специалистами. Однако к середине XX века тенденция к

однозначной поддержке одной из этих идей в совокупности с отказом другой идее в праве на существование утратила свою актуальность. За прошедшие с тех пор годы произошло накопление обширной эмпирической базы для выработки и корректирования теоретических положений, фиксирующих в себе различные аспекты злободневных диалектически ориентированных представлений о человеческих способностях.

В сложившихся условиях наши современники при формировании теоретико-методологических оснований своих философских изысканий, ориентированных на разработку рассматриваемых идей, в подавляющем большинстве случаев естественным образом отдают предпочтение конъюнктивным суждениям и соответствующим умозаключениям. Что же касается дизъюнктивной мотивации субъектов интеллектуального поиска, то она де-факто трансформируется в исследовательскую методологию и, как следствие, технологию исключительно при их стремлении к достижению принципиально локальных, конкретно-научных целей, весьма далёких от характерных для философии интенций к целостному постижению того, что избрано объектом, в частности – способностей человека.

Список литературы

1. Аль-Фараби, Абу Наср Мухаммад. Афоризмы государственного деятеля // Социально-этические трактаты / Абу Наср Мухаммад Аль-Фараби. – Алма-Ата : Наука, 1973. – С. 180-182.
2. Аль-Фараби, Абу Наср Мухаммад. Гражданская политика // Социально-этические трактаты / Абу Наср Мухаммад Аль-Фараби. – Алма-Ата : Наука, 1973. – С. 116-123.
3. Аристотель. О душе // Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – Москва : Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 369-448.
4. Беляев, И.А. Способности и потребности как континуум системных свойств человеческой целостности / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 1(95). – С. 9-13.
5. Бэкон, Ф. Новая Атлантида // Сочинения : в 2 т. / Ф. Бэкон. – Москва : Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 438-518.
6. Гельвеций, К.А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании / К.А. Гельвеций. – Москва : Соцэкгиз, 1938. – 482 с.
7. Гоббс, Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения : в 2 т. / Т. Гоббс. – Москва : Мысль, 1989. – Т. 2. – С. 3-590.
8. Дидро, Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» // Сочинения : в 2 т. / Д. Дидро. – Москва : Мысль, 1991. – Т. 2. – С. 342-506.
9. Кондильяк, Э. Трактат об ощущениях // Сочинения : в 3 т. / Э. Кондильяк. – Москва : Мысль, 1982. – Т. 2. – С. 189-399.
10. Лейбниц, Г.В. Новые опыты о человеческом разуме / Г.В. Лейбниц. – Москва-Ленинград : Соцэкгиз, 1936. – 484 с.

11. Локк, Д. Опыт о человеческом разумении // Сочинения : в 3 т. / Д. Локк. – Москва : Мысль, 1985. – Т. 2. – С. 77-595.
12. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. – Москва : Политиздат, 1955. – Т. 3. – С. 7-544.
13. Пивоваров, Д.В. Отношение, связь, свойство, вещь (категориальный анализ) / Д.В. Пивоваров // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. – 2013. – № 1(112). – С. 63-72.
14. Платон. Государство // Государство. Законы. Политик / Платон. – Москва : Мысль, 1998, – С. 63-382.
15. Платон. Законы // Государство. Законы. Политик / Платон. – Москва : Мысль, 1998. – С. 383-716.
16. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов : в 2 т. / А. Смит. – Москва-Ленинград : Соцэкгиз, 1935. – Т. 1. – 371 с.
17. Уарте, Х. Исследование способностей к наукам / Х. Уарте. – Москва : Изд-во АН СССР, 1960. – 319 с.

ВОЗМОЖНОСТЬ НРАВСТВЕННОГО ПРОГРЕССА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК СЛЕДСТВИЕ ОСОЗНАНИЯ СВОБОДЫ

Булгаков М. Н.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Оренбургский государственный университет»**

Для дальнейшего достойного существования человечества, поставленного перед новыми вызовами цивилизации¹, необходимо наличие устремленности людей к добру, к восхождению по ступеням нравственного совершенствования не только отдельных личностей, но наибольшей части целокупного личностного единства. Под такой всеобщей направленностью далее и будет идти речь при употреблении термина «нравственный прогресс человечества». Вопрос: «а нужен ли нам такой прогресс?» – так или иначе имеет место, когда речь заходит о прогрессе научно-техническом, при разработке же избранной нами проблемы подобного рода сомнения более чем неуместны. Нравственный прогресс необходим, но как же он возможен? Что должно усвоить или же сделать человеку и человечеству, чтобы он был, в том случае если не наблюдается, или же продолжал свое существование, при том условии, если он уже есть? Для ответа на данный вопрос, прежде следует уделить внимания предварительным рассуждениям.

Допустимо ли признание наличия нравственного прогресса в истории? При всей значимости данного вопроса для человечества, на него всегда сложно ответить честно, вне зависимости от складывающихся обстоятельств. Всегда хочется удариться в крайности. Заключение о его непременности, ссылаясь на то утверждение, что, мол, вот сегодня человека считают за человека, смертная казнь и рабство во многих странах уже отменены, права женщин, расовых, национальных, гендерных и иных меньшинств защищаются, грядет торжество демократии и т.д. Или всегда есть возможность подойти с иной точки зрения, заключить, что человек перестает видеть человека, а затем грамотно и последовательно обосновать этот тезис, опираясь на падение уровня нравственного сознания. Обе точки зрения можно аргументировать, они сосуществуют, равно как и третья позиция на этот счет, так или иначе сводящаяся к тезису о том, что о прогрессе или регрессе в нравственном сознании человечества говорить не приходится².

Более того, явно противоположные тезисы на этот счет могут встречаться даже у одного и того же философа на разных этапах его творческой деятельности. В одном из ранних произведений Вл. Соловьева «Чтения о богочеловечестве» мы читаем следующее: «постепенная реализация идеального всеединства составляет смысл и цель мирового процесса» [11, с. 157]. В работе

---

¹ См. статью: Булгаков М. Н. Философия в контексте вызовов современности // Шаг в науку. – 2021. – № 4. – С. 103–106.

² Подробнее по поводу наличия различных подходов к проблематике можно посмотреть в статье П. А. Сорокина «Существует ли нравственный прогресс человечества?».

прослеживается мысль о том, что реализация идеального всеединства возможна «во времени», тогда, когда все будет соединено со всем в своей «положительной форме». Подчеркивается важность внутреннего усвоения божественного начала человеком для его преобразования в свободу, для дальнейшего порождения духовного человечества. На это новое рождение, или вернее, перерождение человечества указывает сама его история. Иначе говоря – нравственный прогресс не просто возможен, для философа он несомненен, и случится он не «по ту сторону добра и зла», но, непременно, во времени. По прошествии двух десятков лет, к однозначно оптимистичным представлениям мыслителя по данному вопросу добавились некоторые, не столь благозвучные и вдохновляющие, но тем не менее, заслуживающие внимания эвристически ценные соображения. В «Оправдании добра» прослеживается следующая мысль: «относительное число добрых и злых людей, надо полагать, не изменяется» [10, с. 244]. Несомненно, с большим чувством сожаления автор также говорит нам о том, что тысячелетия нравственной проповеди не могут сделать того, что может один единственный внешний государственный акт. К тому же Вл. Соловьев делает важное замечание, на которое должно бы обратить внимание при постановке вопроса о нравственном прогрессе. Звучит оно так: «есть множество людей без природной доброты, без способности к нравственным и религиозным увлечениям, без ясного сознания долга и без восприимчивости к голосу совести... эти люди именно тем и отличаются, что полагают свою пользу не в благе других, а исключительно в своем эгоистическом благополучии» [10, с. 165].

Интуитивно не хотелось бы соглашаться со всеми приведенными тезисами философа. В особенности с тем утверждением, что «есть множество людей без природной доброты». Придерживаться позиции, что всякий, приходящий гостем в этот мир, содержит в себе не просто потенциальную возможность стремления к добру, но саму частичку этого добра – было бы гораздо приятнее, удобнее, вне всякого сомнения, и самому Вл. Соловьеву. Но здесь он решил быть честным со своими мыслями.

Добро оправдывает себя одним своим наличием. Это еще один тезис, который можно позаимствовать из творчества вышеупомянутого мыслителя. Сложно представить себе философию, которая могла бы последовательно опровергнуть истинность данной формулировки. Даже имморализм Ф. Ницше, направленный против «морали рабов» и переоценку всех ценностей, был далек от того, чтобы свести добро в область небытия. Здесь имеет место следующий назревающий вопрос: если добро есть нечто ценное само по себе, то почему же тогда философы вновь и вновь задаются вопросом о наличии или отсутствии нравственного прогресса? Как возможна ситуация, при которой «оправдывать добро» все еще необходимо? Ведь строя все новые и новые системы этики, коих на сегодняшний день насчитывается огромное множество, философы, так или иначе, именно этим «оправдыванием» и занимаются. Раскрывая данные вопросы нужно сформулировать следующие, уточняющие их проблематику, нюансы:

1) Если добро есть нечто самоценное то, соответственно, было бы логично положить, что человеку должно было бы к нему стремиться, или, как минимум, не противиться его проявлениям.

2) Если добро есть нечто самоценное и этому положению невозможно последовательно противоречить, то это положение можно возвести в ранг универсального, объективного для вся всякого человека.

3) Если добро есть нечто ценное само по себе для каждого человека, и к нему должно стремиться, то почему возможна направленность человека против объективной его природы к чему-то ему противоположному, субъективному и не имеющему собственной ценности, т.е. ко злу?

4) Если добро может обладать столь значительным преимуществом перед злом, то что же «оправдывает» само зло, раз его продолжают лелеять в такой мере, что философам не удается единогласно ответить на вопрос о том отдается ли сегодня большее предпочтение абсолютной ценности (существует ли нравственный прогресс человечества)?

Таким образом, заданные вопросы так или иначе сводятся к проблеме наличия зла, сопутствующего существованию человечества, а также возможности его преодоления для дальнейшего нравственного прогресса. Приступая к дальнейшему рассмотрению проблематики, возникает необходимость предварительно заключить, что источником нравственного зла как такового, является сам человек и присущая ему свобода.

«Поведение всякого деятеля... есть свободный творческий акт его» [8, с. 60] – утверждает Н. О. Лосский. И сколь не была бы ценна свобода сама по себе, сколько бы блага собой не являла, она есть «опасный дар». Опасность ее может быть заключена в том, что она станет для человека единственной высшей для него ценностью, послужив его эгоизму и безмерной гордыни, приведет к господству над ним низших, относительных и субъективных ценностей и утрачиванию ценностей абсолютных. Единственным объектом для любви такового деятеля станет собственная самость. Возрастание в эгоизме приведет не только к обеднению самого деятеля, но также негативно подействует и на тех людей, которые имеют с ним отношения. Заповеди Иисуса Христа о любви к Богу и к ближнему своему будут нарушены по человеческому произволу. «Эгоизм есть зло, и притом зло основное, порождающее различные виды производного зла» [8, с. 61] – через всю свою работу доносит до читателя автор книги «Условия абсолютного добра». Свобода воли есть опасный дар, и в то же самое время она есть неперенное благо, потому как именно благодаря ей для человека «открыта возможность преодоления себя» [8, с. 117]. Из изысканий философа мы получаем также крайне интересное соображение, касающееся самого нравственного прогресса человечества. Выражая персоналистическую позицию на этот счет, мыслитель доносит до нас представление о том, что нет никакого нравственного прогресса «вообще», есть лишь истории личного прогресса каждого отдельного существа, но все они связаны друг с другом посредством отвлеченной имманентности.

Именно ввиду этой связанности всего со всем только и возможно наличие ответственности каждого единичного свободного актора.

Священник П. А. Флоренский, рассуждая о человеческой свободе и ответственности, доносит до нас следующий многозначительный тезис: «Свобода Я – в живом творчестве своего эмпирического содержания; свободное Я... сознает себя действительным виновником, а не только отвлеченным подлежащим всех своих сказуемых» [13, с. 222]. Всякое нравственное зло, имеет своим источником греховное само-утверждение, «оземление души» человека, желающего существовать в отрыве от высших ценностей и Бога. «Самость делается своею рабою» [13, с. 249]. Слушая только свои собственные страсти, оставаясь в каждый отдельный момент своего существования лишь свидетельством голого самотождества самому себе, человек постепенно утрачивает свою свободу. Образующие в общем итоге самоистукан или идол самого себя требует все больше любви к себе и в то же время постепенно утрачивает способность к подлинной любви. Сознание себя свободным, с точки зрения философа, возможно в победах над своими страстями.

Свобода, как утверждают А. М. Максимов и И. А. Беляев, «существенно влияет на процесс самоопределения человека и находится в неразрывной связи с его нравственными исканиями, которые обычно проверяются жизнью, практикой» [9, с. 95]. Свобода находит свое место в несовпадениях между потребностями человека, как существа эгоистического и его возможными собственными бескорыстными и сверхличностными устремлениями. Разрыв между желаемым и должным, между Я и Ты – суть источник нравственного зла. Требовать для себя личных благ, беззаботного и счастливого каждодневного существования, защиты собственных прав – есть в этом нечто естественное. Однако вся эта естественность нуждается в том, чтобы так или иначе соотноситься с тем, что есть добро для другого. Моя свобода должна заканчиваться там, где начинается свобода другого. Но если бы все было так, как должно, если бы люди неукоснительно соблюдали требования безусловного нравственного императива, то на сегодняшний день потребность в постановке вопроса о наличии или отсутствии нравственного прогресса человечества отпадала бы сама собой.

Уже на данном этапе рассмотрения избранной нами проблемы мы видим, что суждениям о возможности нравственного прогресса человечества предшествует вопрос о свободе человека, свободе его воли и нравственного выбора. И здесь мы неизбежно сталкиваемся с противоречиями, антиномиями, сопутствующими постановке вопроса о свободе человека. Видимость в ней непереносимого блага дополняет то, что свобода полагает собой некоторое бремя; она неотрывна от ответственности. И в связи с данным бременем свобода может ощущаться как основная трагедия человеческого существования. Трагедия, которую хотелось бы избежать, от которой хочется спрятаться. Современная неудержимая потребность к все большей демократизации и свободе от чего бы то ни было есть желания бегства от трагедии свободы,

непрерывно взывающей к самоопределению и самопреодолению. «Сладок момент освобождения, но когда, внешне освободившись, мы начинаем почивать на лаврах, свобода теряется нами изнутри, ибо сущность ее – в постоянном самопреодолении» [7, с. 487] – так заявляет С. А. Левицкий. Философ дает важные для нас замечания, связанные с тем, что «в самой свободе содержится указание для ценностей, высших, чем сама свобода» [7, с. 438]. Установка на обретение свободы ради удовлетворения одних только материальных потребностей культивирует в человеке центристремительные силы, направленные на самого себя. Духовные потребности отходят далеко на второй план. Эгоцентризм перевешивает возможности, открываемые подлинной свободой для какой-либо деятельности. Становясь самоцелью, свобода превращается в новый современный идол, возникает «идолатрия свободы» [7, с. 451].

Как же сложно нам достается свобода. Анализируя творчество Ф. М. Достоевского, Н. А. Бердяев подчеркивает мысль о том, что «путь свободы есть путь страдания» [2, с. 80]. Свободу нужно не просто принять, ее еще нужно утверждать. В легенде о великом инквизиторе содержится следующий многозначительный тезис: «ничего и никогда не было для человеческого общества невыносимее свободы!» [5, с. 347]. Люди с большей силой желают рабства, они готовы следовать любому повелению, снимающему с них бремя выбора и ответственности за него. Зачем же человеку столь страшный дар? Как его вместить? Как реализовать? Великое множество вопросов, связанных с ощущением трагичности свободы можно выявить в творчестве Достоевского. Все они особенно актуальны сегодня, в историческую эпоху, когда ощущается потребность в нравственном прогрессе человечества для его собственного самосохранения, которое возможно лишь при принятии большинством людей ценностей положительной свободы. Но весь этот прогресс сознания свободы упирается, так или иначе, в возможности прельщения и рабства. В работе «О свободе и рабстве человека» Бердяев указывает нам на то, сколь велико их множество. Прельщение и рабство человека у природы, рабство человека у общества, у идеи, у пола и т.д. Но самое страшное рабство – это все-таки рабство у самого себя. «Человек – раб окружающего внешнего мира, потому что он раб самого себя, своего эгоцентризма» [3, с. 161]. Также для нас важно следующее замечание: «Ошибочно было бы думать, что средний человек любит свободу» [3, с. 293]. Нравственный прогресс человечества полагает собой движение, возможное только в том случае, если потребность в свободе станет не желанием некоторых, но устремленностью многих. Исторический рост человечества станет возможным тогда, когда «средний человек» полюбит свободу. Свобода – не простая данность, но требование. «Свобода личности есть долг, исполнение призвания, реализация Божией идеи о человеке, ответ на Божий призыв» [3, с. 60].

«Человек должен изменить негативные стороны своей природы... в противном случае перспективы нашей цивилизации мрачны» [6, с. 97] – пишет

Д. И. Дубровский. Он обращает внимание на то, что не стоит ждать, что человечество станет добродетельным, избавится от своей неутолимой эгоистичности «вдруг». Для того, чтобы нравственный прогресс стал реальным, необходимо «действительное сознательное преобразование» [6, с. 98]. И это преобразование возможно посредством веры в достижение цели и укрепления воли (мужества духа). Данные рассуждения можно было бы продолжить и добавить, что подобная вера и воля возможны были бы при осознании человеком своей ответственности и позитивной свободы, необходимой для чего-то большего, чем простое нахождение в мире.

Священник С. Н. Булгаков отмечает: «подлинным мотивом исторического прогресса может служить только самоопределение человечества, самообнаружение человеческого духа в творчестве, в познании, в деятельности...» [4, с. 226]. И это самоопределение человека непременно должно быть вместе с тем определением его в положительной свободе, становлением человека на путь укрепления добра. Свобода, взятая сама по себе, не наполненная действительным содержанием, «есть чисто отрицательное понятие, сказуемое без подлежащего» [4, с. 226].

Нравственный прогресс человечества возможен только в том случае, если вместе с тем он будет прогрессом в сознании свободы и ответственности «всех за всех». «Возвышение каждого вливается в общий подъем человечества» [1, с. 65]. И участником этого возвышения может стать любой человек, вставший на путь своего целостного самоопределения. Исторический прогресс развития коллективного нравственного сознания начинается с отдельной личности. В этой связи и сам ход образования и сообщения знаний гуманитарного плана не может быть ограничен одним только фактологическим содержанием. Вместе с тем, образование может быть понято и как «онтологический процесс становления и развития человека, но не в физико-биологическом, а в душевно-духовном измерении» [12]. Так понимаемое образование неизбежно связывается с возможностью постановки человеком вопросов о самом себе, о своей свободе. Осознание свободы с необходимостью приведет также и к сознанию ответственности. Педагог способен помогать соискателям знаний не только при помощи грамотного изложения учебной программы, но также прививая им ценностные установки, посредством которых и возможно становление на путь приумножения добра.

Список литературы

1. Беляев И. А. Человек самоопределяющийся / И. А. Беляев [и др.]. Екатеринбург: УрАГС, 2004. 108 с.
2. Бердяев, Н. А. Мирозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев // О русской философии; сост., вступ. ст. и примеч. Б. В. Емельянова, А. И. Новикова. – Ч. 1. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 288 с.
3. Бердяев, Н. А. О свободе и рабстве человека. Опыт персоналистической философии / Н. А. Бердяев. – М.: Армита-Русь, 2021. – 320 с.

4. Булгаков, С. Н. Этика, культура, софиология / С. Н. Булгаков // Тихие думы; сост., подгот. Текста и коммент. В. В. Сапова; Послесл. К. М. Долгова. – М.: Республика, 1996. – 509 с.
5. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы: роман в 2 т. Т.1 / Ф. М. Достоевский. – М.: Вече, 2019. – 448 с.
6. Дубровский Д. И. О нравственном прогрессе и нравственном регрессе (К проблематике развития морального сознания) // Философские науки, 2007. – № 11. – С. 81-102.
7. Левицкий, С. А. Трагедия свободы: избранные произведения / С. А. Левицкий; вступ. статья, сост. и комментарии В. В. Сапова. – М.: Астрель, 2008. – 992 с.
8. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа / Н. О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
9. Максимов, А. М. О нравственной многомерности свободы / А. М. Максимов, И. А. Беляев // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. – № 2. – С. 95-100.
10. Соловьев, В. С. Оправдание добра: нравственная философия / Вл. С. Соловьев; вступ. ст. А. Н. Голубева и Л. В. Коноваловой. – М.: Республика, 1996. – 479 с.
11. Соловьев, В. С. Чтения о богочеловечестве / Вл. С. Соловьев. – М.: Академический Проект, 2011. – 293 с.
12. Стрелец, Ю. Ш. Философия образования: встреча человеческих и абсолютных смыслов [Электронный ресурс] / Ю. Ш. Стрелец // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. науч.-метод. конф. (с междунар. участием), 30 января – 1 февраля 2013 г., Оренбург / М-во образования и науки РФ; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования "Оренбург. гос. ун-т". – Электрон. дан. – Оренбург: Университет, 2013. – С. 1751-1758. – 8 с.
13. Флоренский, П. А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. – 3-е изд. / свящ. П. Флоренский. – М.: Академический проект, 2021. – 905 с.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вертяков Д.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»

Изучение молодежных субкультур является важным направлением в гуманитарных науках, благодаря которому становится возможным проанализировать и выявить те метаморфозы, которые происходят не только в молодежной среде, но и во всем обществе в целом. Именно молодежная среда является наиболее чувствительной и восприимчивой к тем изменениям, которые назревают как в социокультурной, так и в повседневной жизни общества. Анализ и изучение данных изменений дают возможность спрогнозировать процессы, которые ожидают общество в будущем и подготовить ответную реакцию на эти изменения. Немаловажным является тот аспект, что изучение как молодежи в целом, так и молодежных субкультур в частности, может стать фундаментальной основой и незаменимым инструментом для выстраивания молодежной политики в государстве, поможет оперативно и органично вносить необходимые изменения в систему образования, систему занятости и трудоустройства, будет способствовать социализации и адаптации молодых людей в обществе.

Рассматривая причины возникновения и функционирования молодежных субкультур в современной России, нельзя не отметить тот факт, что изначально данный феномен появился вовсе не в современной России, а в СССР, хотя и не проявлялся там так ярко и свободно, но корнями уходит именно в этот исторический период. Необходимо отметить, что научный подход и отношение к данному явлению в этих исторических эпохах кардинально отличаются друг от друга. Очевидно, что в научной парадигме советской школы любое отклонение от политики партии и идеологии во взглядах, поведении, ценностях, внешнем виде трактовалось как патология, девиантность и резко порицалось не только в научных трудах, но и обществом. Интересен тот факт, что появление в 1950-х годах первой советской субкультуры стиляг совпало со сменой политических парадигм, которые касались молодежи. Вместо утверждения того, что «молодежь – строитель коммунизма», все чаще молодежь упоминалась в контексте «жертвы тлетворного влияния Запада». И чтобы лучше понять процесс появления данного стереотипа в контексте рассмотрения молодежных субкультур, которые долгое время будут негативно восприниматься в советской научной школе, немаловажным будет проанализировать причины возникновения и аспекты функционирования субкультуры стиляг.

Данная молодежная субкультура начала зарождаться в больших городах Советского Союза в конце 40-х – начале 50-х годов XX века. Изначально основу данной субкультуры составляли дети советской элиты, так как именно

они в то время имели хоть какой-то доступ к зарубежной культуре и ее артефактам в виде грампластинок с зарубежной музыкой (в основном это был джаз), к заграничной одежде и аксессуарам. Более широкому распространению данного феномена на территории страны в послевоенное время послужило появление большого количества вывезенных трофейных атрибутов западной повседневной жизни: книг, журналов, кинофильмов, музыки, обуви, одежды. Именно это обстоятельство помогло советской молодежи и советскому гражданину «вживую» соприкоснуться с западным бытом, культурой, модой и адаптировать определенные элементы под свой уклад жизни, что впоследствии помогло сформировать молодежную субкультуру стиляг. Но кроме внешних причин, которые способствовали зарождению данного феномена, были и внутренние причины, проявлявшиеся у молодых людей в тяге к определенной культурной альтернативе, во внутреннем стремлении проявлять свою индивидуальность и вкус, которые не совпадают с идеалами, «навязываемыми сверху». Представители данной субкультуры характеризовались проявлением нонконформизма, индивидуализма, использованием сленга, основанного на англицизмах, гедонистической направленностью в организации и проведении досуга. Это с позиций государства расценивалось как протест, как вызов существующей системе норм и ценностей, что в свою очередь повлекло резко негативную реакцию как на субкультуру в целом, так и на отдельных представителей в частности. Кроме того, стильг принято считать пионерами «сексуальной революции» в стране [2, с. 5]. Образ жизни, внешний вид и досуг членов этого молодежного движения нередко критиковался и высмеивался в СМИ того времени. На комсомольских, студенческих собраниях и в рабочих коллективах существовала практика коллективного воспитания и наставления на истинный путь тех людей, которые сбились с верного идеологического пути. В местах массового скопления молодежи (танцы, кинотеатры, парки) комсомольские дружинники нередко делали замечания относительно внешнего вида, прически и одежды стиляг, выводили с мероприятий, а также насильно стригли и портили одежду, которая считалась образцом западного влияния. Кроме преследования на бытовом уровне, были случаи исключения стиляг из комсомола и отчисления из университетов, что в советской парадигме являлось сильным рычагом воздействия на молодого человека. Например, исключение из комсомола ставило под большой вопрос дальнейшую судьбу и карьеру, не говоря уже о продвижении по социальной лестнице. Активность государства, направленная на вмешательство в личную жизнь, с одной стороны, вызывала напряженность в молодежной среде, но, с другой стороны, давала обратный эффект – популяризации данного явления и разжигания к нему интереса со стороны общества, что привлекало в эту субкультуру все больше новых сторонников. Интересны те обстоятельства, благодаря которым определенный слой советской молодежи воспринимал и поддерживал те явления, которые были абсолютно не характерны для послевоенного советского общества. Ученые выделяют три главных события, которые в определенной степени повлияли на образование и развитие молодежной субкультуры стиляг. Во-

первых, необходимо учитывать демографическую ситуацию в послевоенной стране, которая заключалась в том, что большую часть населения страны составляла молодежь до 29 лет. Во-вторых, после смерти Иосифа Сталина в 1953 году к власти приходит Никита Хрущев, правление которого характеризуется некоторым послаблением в тотальном контроле над гражданами, более открытой внешней политикой, часто называемой «хрущевской оттепелью». В-третьих, послевоенные годы характеризовались увеличением численности людей в городах за счет миграции из сельской местности. Все эти явления социальной жизни не могли не повлиять на молодежь, которая в свою очередь искала новые культурные стратегии, механизмы проведения досуга, стили и тенденции в моде, которые нередко находила в западных образцах, тем самым вызывая серьезные опасения у представителей идеологического аппарата. Например, у советского феномена стиляг был аналог молодежной субкультуры родом из Великобритании – тедди-бои, основой которого служила ориентация на внешний вид и определенную музыку. Таким образом, именно культурное влияние на советскую молодежь, ориентация на западные образцы норм, музыки и моды дало толчок к пересмотру идеологических подходов к молодежной проблеме. Необходимо отметить и тот факт, что именно в этот исторический период шла холодная война между США и СССР. Идеологическая, военная, экономическая и культурная конфронтация между странами не могла не затронуть советскую молодежь. Именно поэтому любое копирование, подражание или перенимание западных образцов, норм и ценностей в советском обществе воспринималось как государственная угроза, как проигрыш на идеологических фронтах и вызывало попытки жестко пресечь подобную активность. То есть молодежь первоначально рассматривалась уже не как ресурс, проблема или важный элемент социальной системы («строители коммунизма»), а как цель и потенциальная жертва западной пропаганды. Таким образом, в советской науке укреплялась позиция, которая рассматривала любое отхождение от «линии партии» как проигрыш на политической и идеологической аренах, предопределив тем самым на несколько десятилетий вперед подходы к изучению молодежи и молодежных субкультур в нашей стране.

Интересно также то обстоятельство, что во времена холодной войны не только в СССР негативно относились к тем или иным проявлениям молодежных субкультур и видели в них попытку подрыва существующего строя через молодежь, но подобные настроения были и в США. В качестве примера можно привести молодежную субкультуру битников, которая оказала большое влияние на литературу, поэзию, музыку, контркультурное движение, настроения молодежи 50-х – 60-х годов в США. По поводу молодежных протестных движений 60-х годов нередко высказывается мнение о том, что именно битники своим творчеством и активностью подготовили почву для создания соответствующих настроений в молодежной среде, что в итоге привело к протестным выступлениям. Кроме того, битники создали условия и были предшественниками хиппи, которые в свою очередь также оказали

большое влияние на молодежь, общество и культуру разных стран. Анализируя происхождение термина «битник», который появился в конце 50-х годов XX века, можно выявить интересную семантику, которая отражает настроения, царившие в западном общественном пространстве в то время. Слово «битник» образовано от английского «beat», которое дословно переводится как «бить, удар», но в данном случае произошло заимствование из сленга западных джазменов 40-х – 50-х годов, которое означало «нищета, отчаяние», и русского суффикса «ник». Использование именно русского суффикса в образовании данного термина не случайно и имеет политический оттенок, связанный с запуском в 1957 году первого искусственного спутника Земли под названием «Спутник-1», который осуществил Советский Союз, что привело к частому упоминанию данного слова в информационном поле. Таким образом, в СМИ того времени битники рассматривались не только как антагонисты американским нормам и ценностям, но и как прокоммунистический элемент, который пытается дискредитировать устои существующего общества с целью его изменения. Несложно увидеть схожие моменты в отношении к молодежным субкультурам в странах, которые на определенном историческом отрезке времени находятся в политическом противостоянии. В результате можно сделать предположение о том, что молодежные субкультуры можно рассматривать не только как результат социальных изменений, но и политических.

Рассматривая дальнейшее развитие научных исследований, касающихся молодежи в СССР, можно отметить, что хотя в 60-х годах социологическая наука, в том числе и социология молодежи, получила определенный толчок в развитии, но на деле оказывалось так, что все изыскания имели идеологическую и политическую основу. Это выражалось в том, что молодежь в большей степени рассматривалась не как определенная прослойка общества, имеющая потенциал и свои отличительные особенности в функционировании и развитии, а противопоставлялась западной молодежи. То есть все исследования сводились к тому, что на идеологической основе сравнивалась советская и остальная молодежь и делался вывод о том, что советская молодежь не имеет ничего общего с западными ровесниками, она «морально устойчива и прокоммунистически настроена» [1, с. 84]. Необходимо отметить, что изучение молодежного вопроса на Западе не имело таких жестких идеологических рамок в сравнении с СССР, в результате чего исследования в этой области были более продуктивными. Но необходимо учитывать социокультурные особенности советского и западного общества, которые как раз и подразумевают разные подходы к молодежному вопросу, и, как отмечает Е.Л. Омельченко, различие кроется в следующем:

- отсутствие в СССР производственных капиталистических отношений, которые формируют определенную молодежную культуру;
- совпадение значительного этапа урбанизации в стране с появлением и бурным развитием комсомола как единого идеологического молодежного движения;

- государственный контроль за обсуждением молодежной тематики в печати, науке и т. д. [1, с. 85].

Таким образом, брежневский период, или, как еще его называют, «период застоя», не дал каких-то значительных исследований, новых теорий, подходов и стратегий в изучении молодежного вопроса, а использовал науку в идеологических и пропагандистских целях для укрепления коммунистической системы.

Следующим важным периодом в изучении молодежи становится эпоха перестройки. Уже с середины 80-х годов постепенно начинается открытое обсуждение проблем, с которыми сталкивается советская молодежь, чего раньше не было. Стоит отметить, что особняком стоял вопрос молодежного досуга. И данная проблема озвучивалась как со стороны молодежи, так и со стороны власти. Советская молодежь искала альтернативные способы проведения досуга, что выражалось в их объединениях по определенным интересам, исключавших надзор со стороны комсомола. Таким образом, к концу 80-х годов достаточно большое количество советской молодежи проводило свое свободное время именно в небольших группах, образованных на основе схожих интересов и увлечений. Интересен тот факт, что именно в этот период появляется чисто российский термин «неформалы», значение которого заключается в противопоставлении провластным формам организации молодежи и которое образуется от словосочетания «неформальные объединения молодёжи». Появление в информационном поле термина «неформалы» имело большое значение как для изучения молодежи, так и для всего общества того времени. Значимость для молодежи объяснялась тем, что ее перестали рассматривать как гомогенное социальное образование и постепенно дифференцировали, признавали, что у разных представителей советской молодежи могут быть разные интересы, предпочтения и взгляды. Важность для общества заключалась в том, что признание того факта, что представители молодежи не являются однородной массой, сигнализировало о работающих реформах, которое государство проводило в то время, а именно о гласности и демократизации общества. Появление неформальных молодежных объединений показало, что влияние комсомола в обществе постепенно снижалось и те установки, в которых данная организация существовала ранее, уже не работали должным образом и требовали пересмотра и коррекции. Подобные общественные изменения не могли обойти стороной и науку, которая в то время начала усиленно исследовать молодежь, форму ее организации, увлечения и делать попытки классификации молодежных групп, которые на данный момент были в обществе. Классификация носила не только научный, но и практический характер. Основываясь на этой классификации, заинтересованные властные структуры пытались работать с молодежью, корректировать девиантное поведение, перевоспитывать, контролировать неформальные молодежные объединения, но с развалом СССР эти попытки полностью прекратились и молодежь начали рассматривать в совершенно другой парадигме.

Развал Советского Союза и образование новой страны не могло не повлиять на все общество в целом и на молодежь в частности. Те глубинные изменения, которые произошли в общественной и политической жизни страны, тот «объем» свободы слова, самовыражения и действий, которые получили граждане, повлиял на многие социальные процессы. Говоря о молодежи, необходимо отметить, что снятие тотального контроля со стороны государства за жизнью молодых людей приводит не только к резкому всплеску активности разного рода молодежных субкультур и движений, но и обозначает новые проблемы, с которыми молодое поколение неотвратимо столкнется в новой стране. Научный подход к изучению молодежи также изменяется. На смену советской парадигме, в которой молодежь рассматривалась как строители нового общества и «жертвы влияния», приходит рассмотрение молодежи с точки зрения потребителей и социальных проблем, которые характерны для Запада. Появившийся широкий доступ к западным образцам музыки, литературы, моды является своеобразным катализатором для развития и функционирования молодежных субкультур в современной России. Например, представители советской рок-музыки, которые до этого момента если и не были под запретом, но не имели возможности выступления на широкую аудиторию. В это время они получают стадионы и залы для выступлений, а также часто упоминаются в СМИ, получают роли в художественных фильмах и имеют возможность выезжать на гастроли за границу, чего раньше невозможно было представить.

Таким образом, анализируя причины возникновения молодежных субкультур в России, необходимо принимать во внимание тот факт, что появились они вовсе не в эпоху перестройки, а своими корнями уходят в 50-ые года XX века. Наличие у советских молодежных субкультур западных аналогов говорит не только о заимствовании определенных атрибутов, но и о схожих социальных механизмах и явлениях, которые происходят в совершенно разных обществах. Необходимо акцентировать внимание на том, что подход к изучению данного феномена в советской науке долгое время был политизирован, что отрицательно сказалось на изучении данной проблематики. Возможно, тот взрывной рост числа молодежных субкультур, который произошел после прекращения существования СССР, может говорить о том, что в советском обществе молодежь рассматривалась как цельный фрагмент этого общества, которые имел такие же установки, цели и воззрения, что и взрослое поколение граждан. То есть отсутствие должного подхода к изучению молодежной проблематики, частичное уравнивание молодых людей в социальном статусе со взрослыми приводило к подавлению поколенческого конфликта и нарастанию напряжения в молодежной среде, которое в полной мере реализовалось после падения Советского Союза. С развитием современного российского общества меняются настроения у молодежи, видоизменяются молодежные субкультуры, появляются новые, а некоторые уходят в небытие. Изучение и понимание процессов, происходящих в молодежной среде, помогут понять и проанализировать то, в каком состоянии

находится современное общество в целом, выстроить молодежную политику и сформировать действенные механизмы социализации молодых людей.

Список литературы

1. Омельченко, Е. Молодежные культуры и субкультуры / Е. Омельченко; Ин-т социологии РАН, Ульян. гос. ун-т, Н.-И. центр "Регион". – М.: Ин-т социологии РАН, 2000. – 262 с.
2. Осипов А. Г., Макаренко Н. Н., Милова Е. А., Головина А. А. Стиляги. Эпатажное течение в молодежной среде 1940-1960-х гг // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2011. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilyagi-epatazhnoe-techenie-v-molodezhnoy-srede-1940-1960-h-gg> (дата обращения: 21.11.2021).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ОСНОВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Жайбалиева Л.Т., канд. ист. наук

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»

В современных условиях проблема патриотического воспитания молодежи имеет особую актуальность. Причастность к защите Родины, гордость за принадлежность к своему народу, честь и достоинство не должны утратить свою значимость. Воспитание чувства патриотизма есть основа консолидации общества и укрепления государства. Во многом это зависит от роли учебных заведений и образования. Этим целям служат в большей степени занятия по истории, которые традиционно остаются средством воспитания значительного числа качеств личности и планомерного, последовательного формирования человека и гражданина.

Многое в жизни каждого человека, в жизни народов и государств зависит от того, как нас учили и воспитывали, как формировали мировоззрение, отношение к истории своего народа, как прививали уважение к его традициям, трагедиям и победам. Прежде всего, мы должны обратиться к проблемам воспитания молодого поколения.

Интерес к истории своей страны формирует духовно-нравственные качества человека, без чего невозможно формирование гражданского общества, невозможно осознание народом своей идентичности и целостности [5]. В свою очередь поиск ответов на актуальные вопросы истории позволяет понять особенности эпохи, в которой мы живем [4].

Патриотическое воспитание имеет своей целью воспитание любви к Родине, готовности выполнять свой гражданский патриотический долг по защите Отечества, формирование гордости за исторические свершения своего народа. Большую роль в формировании патриотического отношения граждан, особенно в настоящее время, имеет историческая память. Значение сохранения культурно-исторической памяти народа трудно переоценить.

Историческая память является фундаментальным базисом национальной идентичности, и, если народ будет иметь искаженное представление о своем происхождении и своем прошлом, им будет легче манипулировать [3]. Ключевой предпосылкой поглощения одного государства другим становится лишение его граждан исторической памяти. Это настолько важная для каждого человека и для народа в целом категория, что не будет преувеличением считать ее одной из основных составляющих национальной безопасности государства. Поэтому так важна координация усилий и выработка выверенной концепции исторического образования.

В основе социальной стабильности современного общества помимо других очень важных факторов лежит гражданская солидарность [2]. Без такой солидарности народ не имеет будущего, либо его ждут в дальнейшем

гражданские конфликты, неустройство, раскол и смута. Попытки консолидации общества и обозначение ориентиров его прогрессивного движения в будущее бессмысленны без четкого понимания прошлого [1].

На занятиях по истории студенты постигают историческое прошлое нашей Родины, учатся понимать важность исторических достижений и традиций, заложенных предыдущими поколениями. Изучение истории способствует формированию исторической памяти. В памяти народа отражаются представления о героических событиях истории Отечества, о величайших достижениях и выдающихся исторических деятелях страны.

Чрезвычайно важное значение для патриотического воспитания молодого поколения имеет проблема сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны. Важно, чтобы студенты получали знания о войне в целом, о ее этапах, грандиозных битвах, героях фронта и тыла, могли составить собственное мнение, анализируя выдержки из документов, актов, приказов, а также суммируя фактологический и статистический материал учебников. Большое внимание в изучении Великой Отечественной войны должно быть отведено роли народа и отдельных героев фронта, подполья, партизанского движения.

Наряду с этим необходимо вести изучение этого хронологического периода истории отдельного края, области. Стиль изложения, форма подачи, объем материала по истории родного края позволяют последовательно формировать знания, суждения, оценку, выводы на ближайшую и дальнюю перспективы, служат средством мощного национально-гражданственного и патриотического воспитания, усвоения истин, имеющих непреходящую ценность – любовь к Родине, желание способствовать ее развитию и процветанию. Память о Великой Отечественной войне является в настоящее время одним из событий, способствующим объединению российского народа.

В последние годы война и память о ней стали предметом многочисленных политических спекуляций и фальсификаций. Подрастающему поколению через интернет и средства массовой информации зачастую навязываются ложные представления о Второй мировой войне, целенаправленно стирается историческая память о событиях войны.

В настоящее время требуется объединение усилий педагогов, политиков, деятелей науки и культуры по сохранению исторической памяти о войне, всемерное противостояние попыткам фальсификации событий прошлого. Чтобы дать отпор фальсификаторам, необходимо активнее работать со студентами, выступать в печати с новыми интересными, исторически выверенными материалами. Важно вовлекать студентов в образовательную деятельность, когда формируется личностное отношение к историческим деятелям, событиям, фактам. Это, прежде всего, написание докладов и рефератов; исследовательская работа; участие в студенческих патриотических акциях – «Георгиевская ленточка», «Бессмертный полк».

Наглядное и доступное знакомство молодого поколения с историей и культурой родного края, его основными вехами, памятными и историческими

местами возможно через разнообразные формы краеведческой работы: участие в конкурсах, конференциях, проведение экскурсий, встречи с ветеранами, служившими в горячих точках и выпускниками вузов, отслужившими в рядах Российской армии, участие в добровольческих делах.

Интерпретация событий истории неизбежно несет на себе печать идеологизации и политизации. Интерпретируя события истории, давая им политическую, научную и нравственную оценку, необходимо руководствоваться важной педагогической максимой: цель обучения и воспитания заключается не только и даже не столько в усвоении и поглощении некой суммы знаний, а в воспитании гражданина, гуманного и образованного человека, истинного патриота своей Родины. Рассматривая актуальные исторические темы, студенты должны осознать, что история – великая наука о развитии человечества и познание закономерностей этого развития составляет его главный предмет.

Огромна роль культурно-исторического наследия в воспитании патриотизма, развитии эстетических чувств и формировании нравственных установок. События последнего времени показали, что история имеет самое непосредственное влияние на воспитание молодого поколения и формирование идеологии государства. От того, как мы относимся к нашему культурному наследию, зависят наше будущее, наш нравственный и духовный облик, а в целом и состоятельность нашего государства.

Список литературы

1. Воронина Л.А. Патриотизм как часть образования // Вестник Московского института государственного управления и права. – 2017. – № 1 (17). – С. 99-100.
2. Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе. – Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. – 172 с.
3. Лутовинов В.И. Патриотическое воспитание молодежи: концепция, программа, организационно-методические основы. – Москва: Academia АПК и ПРО, 2001. – 271 с.
4. Наринский М.М. Война в исторической памяти современной России // Свободная мысль. – 2015. – № 2. – С. 55-64.
5. Тавокин Е.П., Табатадзе И.А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социс. – 2010. – № 5. – С.62-66.

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Заика Е.С.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Оренбургский государственный университет»**

Несмотря на значительные изменения в области юридических специальностей, в частности появление специалистов в области семейного права, в современном обществе стоит проблема материального благополучия как личного, так и близких.

Для большинства лиц, желающих оформить опеку и привести в семью новых ее членов, в первую очередь возникают трудности ввиду объемной бюрократической проволочки и предстоящими значительными материальными тратами. Далее, впоследствии при наличии иждивенцев (как детей, так недееспособных, и иных лиц) встает вопрос в получении денег на необходимые функции жизнеобеспечения, - питание, одежду, лечение и обучение детей. Изначально для лиц, оформляющих опеку или попечительство реальные возможные траты не столь предсказуемы, то есть затратные прогнозы не совпадают с ожиданиями.

И одним из реально возможных выходов из сложившиеся сложной материальной ситуацией является банкротство физического лица. При этом за время совместного проживания возникает привязанность и чувства у опекаемого по отношению к новой семье, что исключает его возвращение в прежние места пребывания.

Данные проблемы урегулируются следующим образом и при этом с обязательным привлечением органов опеки и попечительства. В некоторых случаях законодателем также предусмотрена процедура привлечения прокурора с целью соблюдения прав несовершеннолетних и иных иждивенцев.

Важно отметить, что в случае банкротства детей отобрать у должника не могут, за исключением случая, если будет присутствовать угроза здоровью и жизни детям. Родителей из-за банкротства также не могут ограничить в родительских правах или лишить родительских прав.

И так, в случае если в рамках рассматриваемого дела каким-либо образом затрагиваются права несовершеннолетнего лица либо права иного лица, признанного судом недееспособным, то на законное оформление процедуры банкротства граждан распространяется правило о привлечении к участию в делах о банкротстве физических лиц (с момента введения процедур реструктуризации долгов или реализации имущества) органа опеки и попечительства. Это обусловлено спецификой отношений, связанных с несостоятельностью (банкротством) граждан, поскольку сам по себе факт наличия на иждивении должника иждивенцев априори затрагивает их права и необходимо обеспечить их защиту со стороны иного субъекта, независимого во мнении и материальном характере, а также не связанного с должником и его

кредиторами, иными заинтересованными лицами в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан.

Для участия в деле органа опеки и попечительства правовой нормативный регламент закреплен в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)», где довольно конкретно отражены в том числе и правовые последствия подобного участия.

При обзоре нормативной базы и судебной практики становится очевидно, что гражданин существенно ограничен в вопросах совершения сделок в интересах находящихся у него на иждивении несовершеннолетних детей и признанных недееспособными граждан в рамках процедуры реструктуризации долгов, а при введении процедуры реализации имущества должника его имущественная правоспособность всецело переходит в ведение финансового управляющего.

В данном случае органы опеки и попечительства суды привлекают в дело о банкротстве. Это необходимо для того, чтобы специалисты органов опеки и попечительства при нарушении прав или интересов детей, могли указать на это суду, должнику и кредиторам и выступить в защиту этих прав.

Важные моменты, которые необходимо отметить в сокращенной форме, относительно дальнейшего распоряжения имуществом иждивенцев. Так, алименты не входят в конкурсную массу должника, если их получатель проходит процедуру банкротства. Алименты каждый месяц при поступлении арбитражный управляющий обязан выдавать должнику вместе с прожиточным минимумом. То есть должнику выдаются алименты, прожиточный минимум на должника и 50% прожиточного минимума на ребенка. В том случае, если должник сам плательщик алиментов, то арбитражный управляющий ежемесячно с личного счета должника перечисляет получателю, либо это делает работодатель должника. Алименты входят в первоочередные выплаты и не списываются в результате банкротства. Это обусловлено тем, что при банкротстве физического лица жизнь его иждивенцев не должна ухудшиться, именно по этой причине предусмотрена обязанность финансового управляющего выделять прожиточный минимум на должника и его детей. Как правило выделяется половина прожиточного минимума на ребенка, если у него двое родителей, применяя правило, что оба родителя должны ребенка содержать. По аналогии это правило применяется и к другим иждивенцам. В том случае, если же ребенку нужно лечение, оплата школы и иные разумные траты на удовлетворительное существование, то все эти вопросы можно решить через определение суда о выделении денежных средств на эти цели. То есть указанная процедура довольно пластична и ее алгоритм может быть подвержен изменениям при улучшении/ухудшении условий проживания иждивенцев, или в случае иных, не предусмотренных заранее, жизненных ситуаций.

Также в конкурсную массу не включаются детские пособия и декретные выплаты. Указанные денежные средства также не включаются в конкурсную массу, и после их перечисления и получения финансовым управляющим подлежат выдачи должнику в разумные сроки.

Соответственно если алименты, детские пособия и декретные выплаты своевременно не выдаются управляющим, то в данном случае должник может пожаловаться на него помимо общих инстанций, в орган опеки и попечительства и в прокуратуру.

Такая форма участия органов опеки и попечительства может реализовываться в рамках как судебных процедур (например, обжалование действий (бездействия) финансового управляющего), так и внесудебных (например, инициирование вопроса о проверке действий финансового управляющего, о привлечении к административной ответственности должника за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей).

В любом случае участие органа опеки и попечительства в деле о банкротстве в ситуации, когда нет специальной нормативно-регламентированной компетенции этого органа, не будет носить системного и постоянного характера, обеспечивать реальную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних и находящихся на иждивении должника граждан, признанных судом недееспособными. Но зачастую в силу отсутствия нормального профильного подхода к подготовке специалистов данного профиля у представителей органов опеки и попечительства возникают сложности, поскольку банкротство не является основным направлением их деятельности, и более того, большинство специалистов принимают участие формально во время проведения подобной процедуры.

Так вот, в рамках гражданского процесса защита прав находящихся на иждивении должника несовершеннолетних лиц и лишенных дееспособности лиц осуществляется посредством участия в процессе прокурора, органа опеки и попечительства. В отличие от арбитражного процесса, где правовых оснований для участия в деле о банкротстве прокурора нет, а потому по своей сути орган опеки и попечительства является единственным процессуальным субъектом, обеспечивающим защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего. При таких обстоятельствах необходимо законодательно вывести поступления денег, в частности алиментов, декретных денег и иных обязательных выплат в адрес детей из конкурсной массы и позволить должнику открыть специальный счет, с которого он сможет снимать деньги самостоятельно, без участия финансового управляющего. Однако, на деле участие органов опеки и попечительства минимальное, так как в делах о банкротстве в большинстве своем они ничего не понимают. И при таких условиях может возникнуть довольно интересная ситуация, при которой представители органов опеки и попечительства в силу отсутствия профильного подхода, допускают ошибки, либо ввиду недостаточности объема полученных знаний либо несформировавшейся практики. Полагаю, что именно на этапе получения знаний и в частности на стадии высшего профильного образования важно рассматривать вопрос о формировании специальных курсов специалистов в области соблюдения прав опекаемых, а также находящихся на попечении.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: [ред. от 21.12.2021] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2021. — Ст. 31.
2. Семейный кодекс Российской Федерации. Гл. 20: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ: [ред. От 02.07.2021] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2021.
3. Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ: [ред. от 30.04.2021] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2021.
4. Конвенция о правах ребенка: ратифицирована СССР от 16 августа 1990 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989), (вступила в силу для СССР 16.08.1990), – М.: Кнорус, 2015 год;

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМАТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН-УЧАСТНИЦ СНГ

**Карабаева К.Д., канд.филос.наук, доцент, Волошин Н.А.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Оренбургский государственный университет»**

Содружество Независимых Государств (СНГ) — региональная международная организация, призванная регулировать межгосударственные отношения стран, ранее входивших в состав СССР. Согласно ст.7 Соглашения о создании СНГ, Высокие Договаривающиеся Стороны «признают, что к сфере их совместной деятельности, реализуемой на равноправной основе через общие координирующие институты Содружества, относятся: координация внешнеполитической деятельности; сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, в области таможенной политики...» [1].

СНГ не является над государственным образованием и функционирует на добровольной основе. Странами-участниками СНГ являются: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан, Украина.

Согласно ст.2 Устава СНГ, целями Содружества являются сотрудничество в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях; всестороннее и сбалансированное экономическое и социальное развитие государств-членов в рамках общего экономического пространства, межгосударственная кооперация и интеграция; обеспечение прав и основных свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и документами СБСЕ [2].

Со дня существования региональной международной организации создавались и формировались в процессе совместной деятельности разнообразные форматы сотрудничества между странами-участницами СНГ во всех сферах межгосударственного взаимодействия, а именно:

1. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ);
2. Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС);
3. Таможенный союз;
4. Единое экономическое пространство (ЕЭП);
5. Евразийский экономический союз (ЕАЭС);
6. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС);
7. Центральное - азиатское сотрудничество (ЦАС);
8. Союзное государство России и Белоруссии;
9. Содружество демократического выбора (СДВ).

Среди стран-участниц СНГ в настоящее время сложился активный альянс, представленный Россией, Казахстаном, Республикой Беларусь, Таджикистаном, Арменией, Кыргызстаном, Узбекистаном. Данный альянс

основан, прежде всего, на общности политических интересов в военной, экономической, гуманитарной, социальной, культурной сферах.

Одной из особенностью взаимодействия выделенных стран-участниц является соблюдение норм международного права в межгосударственных отношениях, а также объединение с целью своевременного ответа на вызовы современности такие как угрозы международной информационной безопасности, террористические атаки, международная экстремистская деятельность, глобальные экологические проблемы, организованная транснациональная преступная деятельность и др.

Среди основных направлений взаимодействия стран СНГ можно выделить военно-политические и экономические форматы сотрудничества. Согласно ст. ст. 12, 14 Устава СНГ, в случае возникновения угрозы суверенитету, безопасности и территориальной целостности одного или нескольких государств-членов либо международному миру и безопасности государства-члены незамедлительно приводят в действие механизм взаимных консультаций с целью координации позиций и принятия мер для устранения возникшей угрозы. Высшим органом Содружества по вопросам обороны и охраны внешних границ государств-членов является Совет глав государств. Координацию военно-экономической деятельности Содружества осуществляет Совет глав правительств [2].

Военное сотрудничество стран-участниц СНГ реализует Совет министров обороны СНГ и ОДКБ. Согласно ст.30 Устава СНГ Совет министров обороны является органом Совета глав государств по вопросам военной политики и военного строительства государств-членов. Главное командование Объединенных Вооруженных Сил осуществляет руководство Объединенными Вооруженными Силами, а также группами военных наблюдателей и коллективными силами по поддержанию мира в Содружестве [2]. На основе общепризнанных принципов международного права, а также положений Договора о коллективной безопасности [3], 7 октября 2002 года был принят Устав ОДКБ. Членами данной международной региональной организации являются: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Российская Федерация, Республика Таджикистан. Согласно ст.7 Устава ОДКБ, государства-члены принимают совместные меры к формированию в ее рамках действенной системы коллективной безопасности, обеспечивающей коллективную защиту в случае возникновения угрозы безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету и реализацию права на коллективную оборону, включая создание коалиционных (коллективных) сил Организации, региональных (объединенных) группировок войск (сил), миротворческих сил, объединенных систем и органов управления ими, военной инфраструктуры [4].

Экономические направления сотрудничества реализуют следующие организации: Евразийский экономический союз, Единое экономическое пространство, а также более специализированная организация – Таможенный Союз ЕАЭС.

Основными задачами Евразийского экономического союза является обеспечение начал координации экономической политики государств-участников в различных сферах экономической деятельности, а также создание условий для продвижения товаров, капиталов, услуг и рабочей силы. ЕЭП осуществляет техническое регулирование и унификацию международных стандартов внешнеэкономической деятельности государств-участников. Таможенный союз является важной частью ЕАЭС, и все страны-участники ЕАЭС входят в Таможенный союз с момента вступления в ЕАЭС. Страны участницы имеют особые условия при экспорте и импорте товаров, выполнении работ и оказании услуг и т.д.

Договор о Евразийском экономическом союзе был принят 29 мая 2014 г. в г. Астане (Республика Казахстан). Его участниками стали три государства – Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация. В 2015 г. к Договору присоединились Республика Армения и Кыргызская Республика. Данный Договор учредил новую региональную международную организацию – Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Создание ЕАЭС стало новым важным этапом экономической интеграции, которому предшествовало создание и функционирование Таможенного Союза, Евразийского экономического сообщества, Единого экономического пространства. Учитывая принятие Договора ЕАЭС, государствами – участниками Евразийского экономического сообщества 10 октября 2014г. был принят Договор о прекращении деятельности последнего с 1 января 2015 г. [Губин С.63]

На геополитической карте мира страны СНГ занимают особое положение, которое характеризуется уникальностью трансграничного пространства, включающего вековые процессы взаимовлияния различных цивилизаций, культур, ценностей многих народов мира. Современный этап развития независимых государств характеризуется их включенностью в региональные и глобальные процессы в качестве субъектов самостоятельных действий.

Список литературы

1. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (8 декабря 1991) [Электронный ресурс] // Исполнительный Комитет Содружества Независимых Государств. Режим доступа: <https://cis.minsk.by/site/about-cis>
2. Устав СНГ (22 января 1993) [Электронный ресурс] // Исполнительный Комитет Содружества Независимых Государств. Режим доступа: <https://cis.minsk.by/site/about-cis>
3. Договор о коллективной безопасности (15 мая 1992 года) [Электронный ресурс] // Сайт Организации Договора о коллективной безопасности Режим доступа: <https://odkb-csto.org/>
4. Устав ОДКБ (7 октября 2002) [Электронный ресурс] // Сайт Организации Договора о коллективной безопасности Режим доступа: <https://odkb-csto.org/>

5. Губин А.М. Договор о Евразийском экономическом союзе: правовой анализ / А.М. Губин // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право – №1 – 2021 – С.62-70.

ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Коваль А.Д.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»

Актуальность разрабатываемой нами проблемы заключается в том, что в рамках современных реалий каждый человек вынужден думать о постоянной необходимости определяться в чем-то, выбирать. Человек должен соотносить определенные риски в своем выборе, открывать новые горизонты и следовать социуму в котором он живет.

Повседневные проблемы человеческой жизни заставляют нас смотреть в будущее «наперед», чтобы обеспечить возможность должным образом строить свою жизнь, деятельность, семью.

Многие традиционные ценности и устои сегодня размываются, утрачивают смысл для нового поколения. В такой ситуации человеку трудно приспособиться к быстро текущим изменениям жизни. Несомненно, это достаточно явственно затрагивает социальную, культурную, историческую, онтологическую, ценностную опоры человека.

Мы усваиваем, формируем и проживаем постоянно обновляющуюся картину мира, при этом человек самоопределяющийся является открытым вопросом в философско-антропологическом осмыслении действительности. Кризис в понимании феномена «самоопределяющийся человек» указывает нам на все аспекты жизни людей от природно-родовых до духовно-нравственных; какой физической формой обладает должный индивид, какие вкусовые предпочтения имеет, какую книгу читает, какое получает образование, какое выбирает окружение, и чем руководствуется в своих поступках.

Е. Г. Лангас пишет: сегодня перед индивидом встает не только вопрос: «кто я, мужчина или женщина», но и – «человек я или машина»? Всеми этому сопутствуют явления кризисного сознания: шок от скорости и непредсказуемости перемен, переживание отсутствия смысла и перспектив жизни, что ведет к депрессиям или всплескам порой немотивированной агрессии. Общее положение дел усугубляется отсутствием единой картины мира при доминировании процессов глобализации, с одной стороны, и его (мира) фрагментации, с другой [4, с. 36].

Уместным будет учесть трактовку содержания понятия самоопределение в Новейшем философском словаре. «Самоопределение (англ. self-determination) — процесс и результат выбора личностью своей позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни; основной механизм обретения и проявления человеком свободы» [4]. В связи с нарастанием объема содержательного информационного поля, усугубления глобализационных изменений в мире, человеку необходимо иметь

собственную точку зрения на происходящее и вырабатывать свое индивидуальное отношение к произошедшему.

Человек, который действительно является самоопределяющимся четко понимает, что составляет духовное богатство современного общества (достояний мировой культуры, искусства, философии, религии); это ориентирует его на чувство принадлежности к одной общности, роду.

По мысли Н. С. Рыбакова, в случае самоопределения объект источает активность по отношению к себе, то есть он выступает как субъект, и спонтанно направляет эту активность на самого себя.

«Собственно, для субъекта такое внешнее понуждение и не требуется, ибо в силу особенностей самости, которая есть самопроизвольное, самопораждающее становление, необходимость самоопределения субъекта вытекает из потребности постоянного и не прерывного обеспечения им своей собственной индивидуальности» [2, с. 40].

Ответственные и свободные поступки, базирующиеся на социальной реальности, представлениях о самом себе, порой не срабатывают, и человек становится все более дезориентированным и беззащитным. Проблема несоответствия, неизбежно появляется при попытке соотнести меняющуюся социальную реальность с собственной самоидентичностью, которая для человека как привычна, естественна и очевидна.

Невозможность восприятия человеком в качестве аутентичного ни одного из мест в социальной структуре общества позволяют говорить о разрушении индивидуальной целостности. И если рассматривать в контексте его «целостности», то он воспринимается как нечто устаревшее. Человек, выступающий как антропоид, техноид, гуманоид, постчеловек (в версии киборга, мутанта, клона).

В состоянии раздробленности происходит гипертрофия одного из имеющихся качеств, вследствие чего человек превращается в элемент сконструированного организма; и в конечном итоге упрощается его природа, он исчезает как антропологическая данность. Подобное понимание человека как множественного, релятивного, мозаичного, не принадлежащего самому себе существа не может не осознаваться философской антропологией как кризисное, а, соответственно настоятельно требует своего разрешения в отношении «человека самоопределяющегося».

И. А. Беляев полагает, что «в онтической целостности пространства человеческого существования сомневаться не приходится; тем не менее, сознание индивида (такова специфика человеческого естества) расчленяет его на три относительно самостоятельные качественно различные сферы, природную, социальную и духовную.

Соответственно человек спонтанно, чаще всего без адекватного осознания воспринимает происходящее в собственной жизни как совокупность проявлений специфических потенций экзистенциальных составляющих своей целостности: организма, которым он представлен в природной сфере; личности,

являющейся его воплощением в социальной сфере; души, посредством которой человеческое существо реализует себя в духовной сфере» [1, с. 429].

В действительности невозможно рассматривать человека без «трех китов» существования в этом мире, ведь ни один из них не может быть самостоятельным субстратом его самоопределения. Объективные законы нашего существования представляют нам выбор, но не конечную цель и в этом отношении духовно-душевное совершенствование является высшей самоцелью всякого единичного человеческого существа.

Понятие самоопределения тесно связано с понятием свободы, ведь категория свободы проявляется в различных качествах человеческой жизни.

По утверждению Р. Г. Апресяна, в самом общем смысле свобода – это отсутствие давления или ограничения. Похожее значение слова отражено в словаре В. Даля: «свобода» – своя воля, простор, возможность действовать по своему, отсутствие стеснения, неволи, рабства [3, с. 209].

С данным определением трудно не согласиться. Ведь свобода для человека действительно означает неимение каких-либо сдерживающих факторов, а также наличие у индивида возможности выбора. Но тут необходимо сделать оговорку и подчеркнуть тот факт, что выбор реален только в том случае, если присутствуют альтернативы, которые непосредственно доступны познанию человека. Другими словами, человек сам решает быть ему добрым или злым, плохим или хорошим, помогать кому-то или нет.

Поэтому необходимо отметить, что свобода, конечно, заключается не только в отсутствии ограничений, но это также, с точки зрения Р. Г. Апресяна, характеристика действия, совершенного: а) со знанием и учётом объективных ограничений; б) по собственному произволению – не по принуждению и в) в условиях выбора возможностей [3, 210].

Нужно также подчеркнуть, что многие люди могут быть ограничены в выборе просто потому, что бояться исхода событий, не могут принять данную им возможность и продолжают жить, к сожалению, по диктату извне.

Бывают, правда, и другие ситуации, никоим образом не зависящие от человека; это ситуации страха за собственную жизнь, за жизнь родных и близких людей, когда ты понимаешь, что иного выбора просто нет и ты вынужден жить, либо под давлением других людей, власти, либо под давлением своих же собственных страхов. Заметим, что от страха очень трудно избавиться, особенно, если он касается самой свободы.

Свобода – одна из философских категорий, характеризующих человека как многомерное существо, что определяется возможностью личности мыслить и поступать в соответствии со своими представлениями и желаниями, а не вследствие внутреннего или внешнего принуждения.

Подытоживая все выше изложенное, имеет смысл отметить, что на каждом этапе исторического развития человечества осмысление проблемы самоопределения будет актуальным.

Сложные, подчас очевидно деструктивные процессы, в которые вовлечен современный человек, в которых он находит собственные фрагменты, но все

тяжелее обнаруживает самого себя, как целостность, ставят перед философским знанием задачу осмыслить, что же должно быть воистину неизменным и устойчивым, а чему необходимо меняться, корректироваться. Человек призван к реализации себя, как самодостаточной, ответственной, свободной, меняющейся целостности, самоопределяющейся по мере самоосуществления.

Список литературы

1. Беляев, И. А. Человек и его мироотношение. Сообщение 2. Мироотношение и самоопределение / И. А. Беляев // Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ, 2011. № 73(09). С. 425-433.
2. Беляев, И. А. и др. Человек самоопределяющийся: Монография / И. А. Беляев, В. В. Кашин, А. М. Максимов и др.; под ред. И. А. Беляева. – Екатеринбург: УрАГС; Оренбург: Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2004. – С. 33-48.
3. Гусейнов, А. А., Апресян, Р. Г. Этика: Учебник / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2000. – С. 209-210.
4. Лангас, Е. Г. Самоопределение как способ бытия человеком в современную кризисную эпоху. Автореф. диссер., канд. фил. наук. 2014, Челябинск – С. 178.
5. Новейший философский словарь [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://gufo.me/dict/philosophy/САМООПРЕДЕЛЕНИЕ> – (дата обращения: 05.01. 2022).

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Лепендина Т.В.

Бузулукский колледж промышленности и транспорта ОГУ

Деформация правосознания, как и иное социальное явление, имеет свои причины, источники зарождения, формы и способы проявления. Она может проявляться как в относительно мягких формах, так и в крайне опасных для формирования правовой культуры общества.

Деформация правового сознания предполагает некоторый изначальный запас правовых взглядов, установок и знаний, которые в силу различных причин превратились в какие-то иные, неправовые конструкции или остались правовыми лишь частично или формально. Существует несколько форм деформации правосознания, одной из наиболее распространенных выступает правовой нигилизм. Правовой нигилизм представляет собой отрицание правовых ценностей, неуважение к праву, осмысленное пренебрежение законами и неверие в их способность регулировать общественные отношения.

Отрицание требований закона может происходить в скрытой или открытой формах и мотивироваться в каждом случае различными доводами и соображениями.

Основными причинами правового нигилизма в молодежной среде выступают экономические факторы, социальное неравенство как следствие экономических проблем, проблемы в развитии российской правовой системы, а также исторические особенности развития российской государственности – позднее формирование представительных органов власти, низкий престиж права в советский период, неотлаженный механизм действия права в новейшей российской истории. Массовый правовой нигилизм, получивший широкое распространение в молодежной среде, связан с сочетанием правовой неосведомленности, стереотипов, предубеждений и недоверия праву, что порождает его непринятие и даже отказ от реализации своих законных интересов.

Опасность правового нигилизма в среде молодежи и особенно студенчества не вызывает сомнений. Именно студенты как социальная группа являются стратегически важным ресурсом государства, основой развития гражданского общества, от уровня правового воспитания молодого поколения напрямую зависит демократическое развитие России. Если для пассивной формы правового нигилизма студенческой молодежи характерно безразличное отношение к закону и недооценка его значимости, то активная его форма демонстрирует осознанное враждебное отношение к закону. Недостаточный уровень правовой культуры и правовой нигилизм молодежи становится серьезной проблемой обеспечения реализации принципов верховенства права, а также служит почвой для многих негативных социальных явлений: наркомания, пьянство, семейное насилие, бытовая преступность, пренебрежение правами окружающих и других.

Уровень правовой воспитанности формируется не стихийно, а является результатом сложного процесса правовой социализации. Процесс правовой социализации можно рассматривать как планомерную систему юридического образования на протяжении всей жизни человека. Начинать осваивать правовое пространство целесообразно с дошкольного звена, когда основное внимание уделяется нравственному воспитанию. Педагог закладывает в сознание детей основы правомерного поведения, помогает осознать, какие действия приносят вред самому человеку и окружающим людям. В старшем дошкольном возрасте дети уже способны управлять своим поведением и воздерживаться от поступков с нежелательными правовыми последствиями. Школьная система правового образования в России складывалась в течение длительного периода времени, ее истоки следует искать в 18 веке, когда эффективная образовательная деятельность приобрела государственное значение. Процесс становления системы правового образования в России складывался поступательно, от выработки концептуальных подходов в середине 19 века до формирования государственной доктрины правового образования в начале 21 века. Вопросам правового воспитания как комплексу мероприятий уделяли внимание государственные и общественные деятели, философы, социологи и юристы. Так, реформаторская деятельность Петра I способствовала началу юридического образования в России и тем самым распространению правового просвещения. В становлении правового образования наблюдается его тесная связь с гражданским обучением и воспитанием, под которым понимается формирование определенных качеств человеческой личности. Идея о замене правового обучения и воспитания гражданским и нравственным воспитанием просматривается в трудах русского историка С.М. Соловьева. Революционный смысл в идее гражданского воспитания обосновывался в трудах Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена, В.Г.Белинского. О необходимости совершенствования форм и приемов изучения школьниками правовых институтов общества высказывались Н.К. Крупская, А.С. Макаренко, П.Ф. Каптерев. Длительное время правовое образование не являлось отдельной образовательной системой, однако попытки придать ему самостоятельность предпринимались. Так, в 70-е годы наблюдалось развитие правовой (юридической) педагогики, оформление системной правовоспитательной работы, введение учебных курсов по праву.

Становление новой модели правового образования современной России во многом определяется социально-политическими переменами 90-х годов прошлого столетия. В сложных условиях формирования нормативной базы, отсутствия концепции и федеральных стандартов предпринимаются попытки разработать целостную систему формирования правового сознания. Важность и необходимость правового образования детей и молодежи закрепляется в настоящее время в нормах российского и международного законодательства. Конвенция о правах ребенка указывает, что образование ребенка должно быть направлено на воспитание уважения к правам человека и основным свободам, а также принципам, провозглашенным в Уставе ООН.

Современный период развития российского общества определяется не только проблемами нестабильной экономики и постоянно возникающими политическими катаклизмами, но и разрушением социальных связей, падением нравственных устоев. Проблема правового воспитания сейчас рассматривается в тесной связи с патриотическим воспитанием.

За последние годы в России были предприняты определенные усилия по укреплению и развитию системы правового и патриотического воспитания граждан России, было реализовано несколько государственных программ патриотического воспитания.

Однако преодоление деформации правового сознания – сложный, длительный и многоступенчатый процесс. Не уменьшая роль правового образования и воспитания в формировании положительного правосознания, нельзя не указать на невозможность решения проблемы его деформации только воспитательными методами. Необходим хорошо спланированный и организованный комплекс политических, социально-экономических и просветительских мероприятий. К таким мероприятиям можно отнести, например, демонстрацию приоритета законности в реальных жизненных ситуациях, пропаганду законности и правопорядка в стране на уровне высших органов государственной власти, средств массовой информации. Преодоление кризиса правосознания молодежи возможно только при безоговорочной вере граждан в действенность законов и неотвратимость ответственности для всех субъектов правоотношений без исключения, чувстве юридической защищенности. Разумеется, необходимо и массовое правовое просвещение, распространение знаний о праве и правопорядке при содействии образовательных и культурно-просветительских учреждений, средств массовой информации и специальных юридических учебных заведений. Только при выполнении данных условий правовое воспитание станет важным элементом идеологической функции современного российского государства.

Список литературы

1. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. №996-р.//Российская газета. – 2015. - №122
2. **Коптяев, А.И.** Проблемы правосознания молодежи в современной России/ Социально-экономическое состояние России: пути выхода из кризиса. – Санкт-Петербург: Институт бизнеса и права, 2009. – с. 25-28
3. **Певцова, Е.А.** Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию/ Журнал российского права. – 2014. - №3. – с.70-81
4. **Лазарев, Л.В.** Развитие личности и правовое воспитание/ Методика правового воспитания учащихся. - Москва: Просвещение, 2013. – 290с.
5. **Конвенция о правах ребенка** : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник

международных договоров СССР. – Вып. XLVI, 1993; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru>

ТРАНСГУМАНИЗМ КАК ПАРАДИГМА ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ЕГО ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Писарчик Л.Ю., канд. филос. наук, доцент,

Недорезов В.Г., канд. филос. наук, доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Оренбургский государственный университет»**

Новые открытия и технологии вдохновляют многих исследователей и представителей общественности говорить об использовании этих технологий для изменения человека. Раздаются призывы к разработке и практической реализации методик исправления физических и интеллектуальных «недостатков» человека. Сторонники трансгуманизма реанимируют социальную программу евгеники, программу создания постчеловека, который будет радикально «улучшен» по сравнению с существующим. К решению этой задачи собираются привлечь такие науки, как молекулярная нанотехнология, геновая инженерия. Рассматриваются, как реально возможные, проекты создания симбионтов человеческого мозга и компьютера.

Директор Института будущего человечества Оксфордского университета Н. Бостром отмечает, что человек на протяжении всей истории стремился к тому, чтобы улучшить свои качества и свойства [12]. Бостром пытается выяснить истоки трансгуманизма в эволюционном развитии человечества. Это, видимо, объясняется тем, что в русле трансгуманизма чаще звучат редуccionистские мотивы, все сводится к чисто техническим решениям, а о человеческой стороне дела забывают. «Они больше увлечены технической стороной дела – андроидами, киборгами, ноотропными препаратами и т.п.» [4, с. 275], – справедливо пишет А.Д. Майданский. Трансгуманизм, опираясь на технику и технологии, пытается улучшить человеческое тело и дать ему новые физические и интеллектуальные возможности и даже преодолеть смерть. Истоки трансгуманизма Бостром видит в идеях XVI-XVIII веков, то есть в европейском гуманизме [12]. Бостром вполне положительно оценивает мнение Ламетри о человеке как машине: «...технология вполне может улучшить организм человека. Например, простая разновидность материалистической точки зрения была смело предложена в 1750 году французским врачом и материалистом, философом Жюльеном Офре де Ламетри в "L'Homme Machine", в которой он утверждал, что "человек – это всего лишь животное или набор пружин, которые заводят друг друга"» [Ibid.]. Учение о сверхчеловеке Ф. Ницше, по мнению Бострома, тоже свидетельствует о поисках возможностей преодоления ограниченных возможностей человека и выхода на новые горизонты человеческого бытия. Но еще больше, по Бострому, трансгуманистические идеи имеют сходство с идеями и установками Дж. Ст. Милля, с его политическим либерализмом и отстаиванием прав индивидуальности.

Олдос Хаксли («О, дивный новый мир») (1932), Джордж Оруэлл в («1984») показали такие изменения в обществе, где не только политическая система трансформирована в духе тоталитаризма, но и технологии направлены на изменение человека и контроль за ним. Бостром пишет: «Необходимо отметить, что ни в «1984», ни в «Прекрасном новом мире» не используются технологии для увеличения человеческих возможностей; скорее общество настроено на подавление полного развития человечества. Обе антиутопии ограничивают научные и технологические исследования из-за боязни нарушить социальное равновесие» [Ibid.].

В первые десятилетия 20-го века возникли опасения по поводу ухудшения человеческого генофонда, так как медицина позволила выживать «непригодным», как тогда считалось в некоторых странах, людям. Вследствие этого, как отмечает Бостром, целый ряд стран взял курс на реализацию программ евгеники. Это происходило в США, Канаде, Швеции, Дании, Финляндии, Швейцарии и Австралии. Речь при этом шла не только о нарушении прав людей, но и стерилизации и даже уничтожении людей. С начала XX века и до шестидесятых годов в США в отношении 64-х тысяч человек была осуществлена принудительная стерилизация. «Основными жертвами американской программы были умственно отсталые, глухие, слепые, эпилептики, физически ущербные, сироты и бездомные также иногда становились жертвами» [Ibid.]. Особенно большое количество жертв подобного рода деятельности было в фашистской Германии, 300000 человек. Поэтому такие действия были расценены человечеством как преступные, и евгеническое направление в целом было осуждено [Ibid.].

Социальные преобразования и революции в XX веке в ряде стран привели к возникновению социалистических стран и в то же время тоталитарных режимов, которые напугали западного обывателя, а еще больше западных политиков, видевших в этом угрозу миру капитализма. Поэтому общественное мнение западных стран, отмечает Бостром, быстро охладело к идеям социальных преобразований. Общественный интерес сместился в сторону решения экологических проблем и реализации достижений технического прогресса. Вопросы, подобные тем, которые обсуждаются в рамках трансгуманизма, поднимались в научной фантастике. Целый ряд авторов (А. Азимов, А. Кларк, Р. Хайнлайн, С. Лем) затрагивал в своих произведениях такие темы, как влияние технического прогресса на социальные и культурные трансформации, в том числе на возможные изменения самого человека, его телесности. [Ibid.].

Понятие «трансгуманизм» вводит в употребление Джулиан Хаксли, брат Олдоса Хаксли, знаменитый биолог. Он был первым генеральным директором ЮНЕСКО и основателем Всемирного фонда дикой природы. Так он утверждал, что человеческий вид может превзойти себя в целом, как человечество. Используя новые возможности, он сможет превзойти сам себя. («Религия без откровения», 1927 г.) Дж. Хаксли писал о том, что человеческий вид может превзойти себя в целом, как человечество, оставаясь при этом человеком. В

1957 году, он снова обратился к идее трансгуманизма, и тоже рассматривал данное явление, как новую форму человеческого существования [14, p. 13-17].

Дальнейшее развитие представлений о появлении новых технологий, которые выведут человечество на новые рубежи, связано с именем Алана Тьюринга и проблемой искусственного интеллекта. Благодаря исследованиям этого ученого возник вопрос о создании машин, которые решают задачи так же, как люди. Тьюринг развил эти проблемы в своей работе «Вычислительная техника и интеллект» (1950). Он предвидел, что компьютеры, в конце концов, смогут пройти так называемый тест Тьюринга, в соответствии с которым главным критерием их разумности должна стать способность машины выдавать себя за человека в общении с другим человеком. Т.е., машина которая в совершенстве имитирует человеческое поведение, а не только его отдельные интеллектуальные функции, может считаться разумным существом. А до тех пор, по мнению Тьюринга, компьютер - это всего лишь «быстро считающий идиот».

Первоначально возникла эйфория относительно того, что искусственный интеллект в скором времени достигнет производительности человека и компьютеры смогут логически рассуждать. Однако впоследствии были внесены поправки относительно сроков, тем не менее, М. Мински, Х. Моравец, Р. Курцвейл и Н. Бостром полагают, что подобное может иметь место в первой половине XXI века. Вслед за этим наступит состояние «динамического хаоса» или «технологическая сингулярность». Изучение данных тенденций развития техники предпринял Г. Леонгард и пришел к следующим выводам. Технологии, связанные с искусственным интеллектом, в перспективе приведут к рекурсивным, то есть самоусилительным усовершенствованиям, когда технические системы будут сами себя контролировать и совершенствовать без участия человека. «Все это может привести к так называемому взрыву интеллекта. Профессор Оксфордского университета Ник Бостром утверждает, что подобный прогресс может привести к возникновению суперинтеллекта – систем ИИ, которые смогут обучаться быстрее людей и интеллектуально превзойти нас во всех смыслах» [3, с. 38].

Технический директор Google Рэй Курцвейл полагает, что к 2025 году возможности компьютеров превзойдут человеческий интеллект, а в 2050 году можно будет констатировать превосходство компьютера над интеллектуальными возможностями всего человечества [15]. Р. Курцвейл обращает внимание на высказывание Ф. Ницше «Человек – это веревка, скрепленная между животным и сверхчеловеком – веревка над пропастью». Этот образ он рассматривает как весьма символический для понимания той ситуации, в которой оказалось современное человечество. Новые технологии выводят его на такие рубежи развития, когда происходит осознание того, что грядут глубокие перемены во всем. И они приведут к радикальному изменению самого человека. При этом Курцвейл полемизирует с теми, кто критикует «технологический императив» и настаивает на сохранении природы человека. Он пишет: «Некоторые наблюдатели называют период после Сингулярности

”постчеловеческим” и называют ожидание этого периода постгуманизмом. Однако для меня быть человеком означает быть частью цивилизации, которая стремится расширить свои границы. Мы уже выходим за пределы нашей биологии, быстро приобретая инструменты для перепрограммирования и дополнения. Если мы считаем человека, модифицированного технологией, больше не человеком, где бы мы провели черту?» [Ibid.]. Он считает, что человек с бионическим сердцем или неврологическим имплантантом (встроенными чипом) остается человеком и наноботы (нанороботы размером с молекулу, то есть менее 100 нм) в мозгу человека тоже не изменяют его природы. Мы видим, что под человеком Рэй Курцвейл понимает все, что угодно: собственно человека, трансформированного человека в его телесной или умственной организации, а также киборга. Но такое понимание вызывает возражения у многих, как некорректное и тенденциозное. И это, на наш взгляд, вполне справедливо. Так, В.В. Ильин отмечает, что применение новых технологий без достаточного их изучения и проверки несет угрозу человечеству. «Негативные эффекты экспансии технонауки, – пишет он, – как ужасный рок, нависают не только над био-, но и антропосферой» [2, с. 168]. Это, согласно В.В. Ильину, чревато всеохватной дегуманизацией.

В русле трансгуманизма часто обсуждают технологии усовершенствования человека (Enhancement Technologies, ET). Этому термину первоначально приписывался только биомедицинский аспект. Имелось в виду излечение человека от генетических наследственных болезней. В дальнейшем его применение расширилось. Теперь речь шла уже о возможностях усовершенствования человека, «улучшения» его природы, вплоть до выхода за пределы человеческого.

В.В. Ильин полагает, что при разработке данных технологий все-таки имеет место понимание человека как евгенического проекта. От конструирования вещей и систем планируют переход к конструированию человека по заранее выбранным образцам. «Серьезную технологическую инициативу в этом пункте стяжают преимплантационная генетическая диагностика, пренатальная диагностика плода, развязывающие руки вспомогательно-репродуктивным технологиям, методам переноса измененного ядра (altered nuclear transfer – ANT), селекции эмбрионов и далее – неоевгенике, озадаченной оптимизацией физического и умственного человеческого капитала. В своих крайних тематизациях перспектива ET претворяется в проектах выпуска паралюдей – человекообразных организмов с заданными свойствами, которые можно использовать на непрестижных работах, равно как киборгов – комбинированных человеко-машинных агрегатов, наделенных за пределами (сопоставительно со стандартно естественными) функциональными возможностями (скажем: чиповая память, содержащая энциклопедическую информацию)» [там же, с. 173]. Это действительно так. В трансгуманизме критически оцениваются не только чисто физические ограничения человека, связанные с болезнями, но и вполне «человеческие» его свойства, которые проистекают из его биосоциальной природы. По сути дела, на смену

«естественному человеку» должен прийти киборг. Один из самых непримиримых противников трансгуманизма Ф. Фукуяма заявляет, что трансгуманизм – это наиболее опасная идея, которая существовала в истории человечества [13, р. 114]. Природа человека, по его мнению, требует бережного, трепетного отношения. Ф. Фукуяма считает, что с биомедицинскими технологиями связывают, с одной стороны, решение многих человеческих проблем, с другой стороны, явно проявляют себя и опасности в отношении существования вида *Homo Sapiens*, как в плане его физических свойств, так и духовных качеств. Решение этой проблемы он видит на основе эффективного контроля за разработкой данных технологий со стороны государства [9].

В качестве нового гуманистического мировоззрения, рассматривает трансгуманизм Российское трансгуманистическое движение. Его сторонники утверждают, что развитие человека с помощью современных технологий не отрицает ценность отдельной человеческой жизни. Что оно позволит выйти за пределы естественных человеческих возможностей [см.: 5]. Однако Б.Г. Юдин замечает, что ознакомление с конкретными целями данного движения и его идеологии показывает его антигуманистический характер [10, с. 34-35]. Действительно, нельзя не заметить тех противоречий, которые содержит трансгуманистическая идеология: с одной стороны, нацеленность на преодоление болезней, что весьма благородно, с другой стороны, в качестве конечного ориентира фигурирует небιологический носитель разума, то есть нечеловек.

Совсем другое отношение к проблеме человека мы видим у отечественного философа, организатора и первого директора Института человека РАН, организатора и председателя Российского национального комитета по биоэтике, основателя журнала «Человек» академика И.Т. Фролова. Все его философское творчество проникнуто установками на исследование человека и выявление условий для его творческого развития [см.: 1; 6; 7; 8]. Вопросы развития науки тоже одни из главных в поле зрения И.Т. Фролова, в том числе и исследования, направленные на изучение человека. Он анализирует природу евгеники, социобиологию, возможности генно-инженерных исследований. Незыблемой основой для него является сохранение природы человека, а также уважение его интересов, целей и идеалов. А это не предполагает бездумное и хаотичное применение новых достижений науки в вопросе изменения человека. Согласно И.Т. Фролову, необходимо руководствоваться принципами этики науки и биоэтики, которые позволяют организовать контроль за разработкой новых технологий в биомедицине. В 70-х – 80-х годах прошлого века И.Т. Фролов вместе с Б.Г. Юдиным стояли у истоков формирования биоэтики в нашей стране и гуманитарной экспертизы, направленной на изучение результатов исследований человека [см.: 1]. Наука и техника быстро прогрессируют, и вопрос заключается в том, что данный прогресс должен осуществляться на благо человека. Б.Г. Юдин полагает, что научные исследования, особенно в биомедицине, ведут к тому, что возникает необходимость в защите человека от негативных последствий развития науки

[11, с. 183]. Во многих странах, для решения этих проблем формируются социальные институты этической экспертизы и сопровождения биомедицинских разработок. Кроме того, разработаны специальные механизмы этического контроля исследований. Сегодня стало заметно, что технoнаука породила не только ожидания новых открытий в исследованиях человека. Изменилось само отношение ученых, и общественности в целом. Скептицизм в отношении к этико-философским вопросам научного и технического прогресса постепенно сменяется осознанием наличия проблем и попыткам поиска путей их решения. Б.Г. Юдин отмечает, что «ценностное измерение науки становится ее неотъемлемой чертой. То есть этические нормы непосредственно стали влиять на ход научного познания, так как этико-гуманистические императивы стали теми философскими основаниями, которые создают направленность научного познания и, тем самым, обеспечивают связь между этикой и наукой». [там же, с. 184]. И это не ближайшее будущее, а уже существующая реальность.

Можно только всецело поддержать установки И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина, а также тех исследователей, которые продолжают их дело в Институте философии РАН и за его пределами. И выразить полное согласие с их точкой зрения, заключающейся в том, что в современном мире вести научные исследования без этического сопровождения уже невозможно. Это требование времени.

Список литературы

1. Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. ст. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / под ред. П.Д. Тищенко. – М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. – 352 с.
2. Ильин В.В. Цивилизационные пути Homo Technologicus: деликатность экзистенциальных ситуаций / В.В. Ильин [Электронный ресурс] // Российский гуманитарный журнал. – 2019. – Том 8. – № 3. С. 165-183. – Режим доступа: http://libartrus.com/arch/files/2019/3/01_190464_Ilin_v3_165-183.pdf (дата обращения: 15.02.2020)
3. Леонгард, Г. Технологии против человека / Г. Леонгард. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 320 с.
4. Майданский А.Д. «Неорганическое тело человека»: трансгуманистические идеи Маркса / А.Д. Майданский // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11-12 апреля 2013 г. / под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. – «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 275-279.
5. Российское трансгуманистическое движение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/10/8> (дата обращения: 23.03.2020)
6. Фролов И.Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки, дискуссии, обобщения / И.Т. Фролов. – М.: Издательство политической литературы, 1979. 336 с.

7. Фролов И.Т. Философия и история генетики: поиски и дискуссии / И.Т. Фролов. – М.: Наука, 1988. 416 с.
8. Фролов И.Т. Этика науки: Поиски и дискуссии / И.Т. Фролов, Б.Г. Юдин. – М.: Политиздат, 1986. 400 с.
9. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма [Электронный ресурс]. – М.: АСТ, 2004. – Режим доступа: <https://avidreaders.ru/read-book/nashe-postchelovecheskoe-budushee-posledstviya-biotehnologicheskoy-revolyucii.html>? (дата обращения: 20.08.2019)
10. Юдин Б.Г. Что там, после человека? / Б.Г. Юдин // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11-12 апреля 2013 г. / под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – С. 26-42.
11. Юдин, Б.Г. Наука в обществе знаний / Б.Г. Юдин // Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. ст. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / под ред. П.Д. Тищенко. – М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 174-185.
12. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought [Electronic resource] // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. Issue 1. Pp. 1-25. – URL: <https://www.nickbostrom.com/papers/history.pdf> (date of reference: 7.03.2020)
13. Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution [Electronic resource]. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002. 256 p. URL: [file:///C:/Users/z/AppData/Local/Temp/Our%20Posthuman%20Future%20Consequences%20of%20the%20Biotechnology%20Revolution%20by%20Francis%20Fukuyama%20\(z-lib.org\).pdf](file:///C:/Users/z/AppData/Local/Temp/Our%20Posthuman%20Future%20Consequences%20of%20the%20Biotechnology%20Revolution%20by%20Francis%20Fukuyama%20(z-lib.org).pdf) (date of reference: 22.07.2020)
14. Huxley, J. Transhumanism [Electronic resource] // Huxley J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. P. 13-17. – URL: <https://archive.org/details/NewBottlesForNewWine/page/n5> (date of reference: 23.08.2019)
15. Kurzweil, R. The Singularity is Near: when humans transcend biology [Electronic resource] / R. Kurzweil. – URL: <https://www.grtl.org/Singularity-Is-Near.pdf> (date of reference: 8.03.2020)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Орлова Е.В., канд. филос. наук

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»

Очевиден тот факт, что общество сегодня переживает период множественных и коренных изменений, затронувших все области социокультурной жизни. Разнонаправленные и всесторонние векторы развития современного социально-культурного процесса обуславливают глубокую трансформацию даже самых, казалось бы, «незыблемых» и устойчивых сторон человеческого существования. По мнению ряда исследователей такая ситуация неизбежно приводит научное сообщество к констатации кризиса современной культуры. Неизбежность конфликтных, кризисных ситуаций в быстро меняющейся реальности утверждает в частности философ Р. Генон. В работе «Кризис современного мира» он пишет: «Когда утверждают, что современный мир находится в состоянии кризиса, под этим обычно имеют в виду, что он достиг критической стадии своего развития, и что неизбежна его тотальная трансформация. Такая трансформация, в свою очередь, предполагает радикальное изменение всего хода его развития, должное с необходимостью рано или поздно произойти, хотя и неизвестно, случится ли это по воле людей или помимо нее, внезапно или более или менее постепенно, в результате катастрофы или без нее»[4, с.69].

Термин «трансформация» как понятие, предполагающее коренное изменение или преобразование чего-либо, в данном случае наиболее точно отражает суть процессов, происходящих в современной культуре. Общеизвестно, что одним из атрибутивных качеств культуры является способность претерпевать различные метаморфозы, оперативно и чутко реагируя на любые внешние перемены. Поэтому анализ многообразия форм такого принципиального и масштабного изменения культурных конфигураций требует постоянной и планомерной теоретической и практической доработки и дополнения, в силу быстроты и имманентной природы протекающих сегодня культурных процессов.

Исследуя характер культурных трансформаций, А.С. Кармин обуславливает их неоднородностью составляющих элементов культуры. С точки зрения исследователя, различные формы культуры имеют свой внутренний потенциал, разные степени напряжения. Культурные формы, находящиеся в области «высокого напряжения» выступают как главные или ведущие и диктуют свои нормы, ценности, образцы менее самостоятельным областям. Такое взаимодействие позволяет выстроить модель «центр-периферия», в основе которой лежат взаимоотношения культурного ядра и его периферийных областей[9, с.417-421]. Данный подход позволяет проследить трансформацию культурных единиц различного уровня. А самое главное, такая

трактовка позволяет объяснить и вычленить общий механизм трансформаций культурных форм. Нарастив свой потенциал, периферийные формы культуры устремляются в ядро культуры и вытесняют потерявшие свою актуальность, «ослабевшие» центральные формы. Тем самым обеспечивается постоянный процесс обновления, модификации и глубокой трансформации.

Отталкиваясь от предложенной концепции можно говорить о закономерности и происходящих в современной культуре изменений, их неотвратимости и неоднозначности. Очевидно, что все события, ведущие к культурной реформации, обусловлены именно изменением соотношения «центр – периферия», которое в свою очередь принципиально меняет границы и смысловое наполнение культурных форм разного масштаба. Задача исследователя, в этом случае, заключается в определении общей сути трансформационных изменений на определенном этапе развития общества с одновременным поиском обобщающих векторов движения, позволяющих охватить все формы и виды культуры.

В современных гуманитарных исследованиях, посвященных проблематике социокультурных модификаций, таким обобщающим вектором, задающим характер культурных трансформаций, чаще всего выступает глобализация. Так, исследователь глобалистики Осипов Ю.С., считает, что о глобализации можно говорить тогда, когда «речь идет о качественно новом уровне объединения человечества, когда различные цивилизации и культуры вступают в непосредственный и разносторонний повседневный контакт между собой, вырабатывают общий язык, что представляет собой сложный длительный, чреватый конфликтами процесс»[10, с. 12].

Учитывая масштабность перестройки культурных конфигураций, задаваемой процессом глобализации, на сегодняшний день не представляется возможным охватить весь спектр частных явлений и процессов, меняющих облик современной культуры. Поэтому считается правомерным сосредоточиться на основных аспектах и векторах изменения, обусловленных самим ходом развития культуры на современном этапе. Как представляется, все эти аспекты тесно связаны между собой и трансформации внутри каждой из узких областей культурного многообразия чаще всего имеют одни источники. При всем своем различии, современные тенденции сближает, то, что «они способны нарушить относительную целостность культур, деформировать или пересоздать «центральную зону» ценностей и смыслов»[11].

Одной из отличительных особенностей трансформации культуры, обусловленных глобализацией, является *плюрализм*. Глобальная перестройка как центральных, так и периферийных областей культуры сегодня протекает одномоментно и массово во всех, даже самых незначительных ее формах. К примеру, Хачатурян В.М., исследует основные тенденции смещения культурных доминант на уровне включения их в пространственные границы культуры. Суммируя специфику изменений современного культурного пространства, автор отмечает следующее: «Компрессия культур и цивилизаций, усиление их взаимодействия и взаимопроникновения, «диаспоризация»,

гомогенизирующее влияние западной массовой культуры, глокализация, «этнический ренессанс», изоляционизм, возрождение древних культурно-религиозных традиций, становление транснациональных сетевых культур – все эти многообразные, в том числе разнонаправленные и даже противостоящие друг другу процессы, развивающиеся одновременно, дают основания для самых разных оценок происходящего и сценариев будущего»[11]. Следует отметить, что перечисленные автором процессы не исчерпывают всего многообразия культурных изменений. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что к перечню уже заявленных процессов, исследователь добавляет еще два: гибридизацию и анклавизацию. С точки зрения ученого, именно они определяют «сущность сверхбыстрого (в короткий период времени) и порой неожиданного соединения элементов, фактов, явлений, процессов культуры, в результате чего происходит трансформация «границ культур»»[1, с.101].

Противоречивость и противоположная направленность культурных изменений, указанная выше порождает еще одну особенность трансформационных изменений. Культура рубежа XX – XXI веков весьма *противоречива*: с одной стороны наблюдается стремление к целостности, а с другой – постоянное нарушение единства, эклектика. «Коллаж, как частный прием художественной практики, превращается в наиболее используемый прием построения культуры»[7]. Цитата Диановой В.М., рассуждающей об особенностях искусства рубежа веков, как представляется, очень точно отражает ситуацию в современном глобальном культурном пространстве, так как свидетельствует о смещении акцентов. То, что было уникальной особенностью частной области художественной практики, становится формой существования культуры в целом.

Смещение культурных акцентов в свою очередь ведет к формированию новой культурной целостности на основе взаимовлияния и взаимодействия различных культур. Попытки множества разнородных культур жить и развиваться в одном смысловом культурном поле формируют новую жизненную реальность, характеризующуюся более гибким проникновением друг в друга «своего» и «чужого» культурного образца, обладающих одинаковой ценностью. Примером могут служить так называемые современные транснациональные корпорации (ТНК), специфика существования которых характеризуется интернациональными, профессиональными объединениями, персоналом из разных этнических групп, часто формирующихся на основе общей виртуальной сети (многие сотрудники могут работать удаленно, находясь в противоположных частях планеты). Включение в единое культурное пространство огромного штата сотрудников, в данном случае, происходит на основании корпоративной идентичности, групповой принадлежности и общих наднациональных, надэтнических интересов.

Интеграционные процессы адаптации элементов «чужой» культуры к «своей» свидетельствуют об активном *синтезе и диалоге* составных элементов культуры. Еще М.М. Бахтин утверждал, что в культуре сосуществование не может быть статичным. Это не мертвое, молчащее сосуществование, а

сосуществование как «диалог культур». Единство определенной культуры философ определял как «открытое единство». «Не должно представить себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы». Культура в целом «расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее <...> и каждый акт живет на границах» [2, с. 25]. «Чужая» культура, по мнению М.М. Бахтина, может наиболее глубоко и полно раскрыться, вступая в диалог с другой культурой. «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [2, с.334-335].

Мысли ученого о всеобщем диалоге культур развивает В.С. Библер. Согласно философу, в культуре происходит встреча прошлого, настоящего, будущего: «...типологически различные культуры <...> втягиваются в одно временное и духовное «пространство», странно и мучительно сопрягаются друг с другом, почти по-боровски «дополняют», то есть исключают и предполагают друг друга» [3, с.32]. Описывая временные закономерности развития человечества с точки зрения глобализации, М.С. Каган выделяет несколько типов отношений настоящего к прошлому, характерных для различных эпох:

- Первый - монологичен. В его рамках настоящее полностью подчинено прошлому. Сюда всходят традиционные культуры, воспринимающие прошлое как «указание к действию», данное Богом, абсолютное.

- Второй тип противоположно монологичен. Сюда относится модернизм с его любовью ко всему новому, непохожему, инновационному.

- Третий тип – диалогический. Прошлое оппонента здесь является ключом для поиска с данным оппонентом духовного родства. Как пишет М.С.Каган, именно это третий тип является тем вариантом развития человечества сегодня, ориентированного на достижение культурного единства. «Глобализм не является унификацией, он способен органически вживаться в «тело» и «текст» культуры только тогда, когда общечеловечески единое органически сливается с традиционно-специфическим» [8, с. 165].

Возникают и другие реакции на диалог культур в современном мире. Как утверждают многие исследователи, усиление процесса интеграционных проникновений, его массовость и многонаправленность приводит к некой враждебности локальных культур как реакции на процесс глобализации. Специфика такого типа враждебности проявляется в следующем. Соприкосновение с особенностями и уникальностью иных культур происходит на разных уровнях.

-Первый уровень включает поверхностный диалог с наиболее общими традициями и образом жизни представителей различных культур. Здесь взаимодействие не носит враждебного характера, а даже наоборот. У человека возникает ощущение включения в новые, интересные культурные традиции, ментальные связи и т.д.

- Второй – более подробный, глубокий уровень взаимодействия, когда происходит столкновение на уровне обычаев, обрядов, повседневного времяпрепровождения. На данном этапе вхождения «чужого» культурного образца в повседневное пространство жизни, острее ощущается «инаковость», «чуждость» представителей различных культур, которые находясь в тесном взаимодействии, вынуждено апробируют на себе многие не родственные им культурные акты. Реакцией на такого рода взаимодействие можно считать «сжатие» культурного поля до одного, единичного культурного образца, то есть локализация или объединение народов, этносов, субкультур по принципу принадлежности к определенной «своей» культурной традиции.

Из всего вышесказанного становится понятно, что дальнейший анализ культурных трансформаций невозможен без включения в него смысловых ориентаций отдельной личности. Культура отмечена присутствием человека, поэтому современные исследования различных форм культуры и их изменений с необходимостью предполагают и изучение культурных трансформаций на уровне отражения их в становлении отдельной личности. Здесь стоит отметить, что современная реальность характеризуется активацией роли субкультурных объединений, которые пытаются сформировать свои социокультурные ниши и делают их заведомо замкнутыми и негибкими для восприятия других культурных идеалов и приоритетов. На уровне личности это чревато сложной ситуацией обмена и выбора ценностей нескольких культур, к которым оказывается причастен современный человек. Однако «для индивидуального человека и человеческих общностей самого разного уровня глобализация означает резкое расширение того социального пространства, в котором реализуются разнородные связи людей и детерминация когнитивной и мотивационно-ценностной сферы сознания»[5, с.358]. Таким образом, в глобальном мире личность формируется под воздействием большего ареала, вынужденно выходя за границы «своей» культурной традиции. Человек оказывается в ситуации постоянного, самостоятельного выбора из множества негативных и позитивных вариантов приспособления к существованию в подвижной среде, обусловленных самим фактом многомерности современной культуры.

К таким вариантам в частности можно отнести следующие. Формирование гибкой идентификации, основанной на приспособлении только к универсальным формам социального существования. В данном случае возникает опасность потери «самости», появления отрицательных аспектов эклектики и смещения. Другая реакция может проявиться в апатии, безразличии и уходе в узкую социокультурную нишу. Отказ от контактов с «чужими» культурными формами. Не случайно современная социокультурная ситуация характеризуется огромным количеством полностью закрытых кодификационных культурных образований, таких как секты, замкнутые организации и т.д. Еще один вариант заключается в уходе в собственное мифологическое, ритуализированное пространство, следствием которого может стать появление множества микрогрупп, живущих в вымышленном мире

(например, субкультуры геймеров, косплея, реконструкторы, феномен «хикикомори» в японской культуре и т.д.). Негативное последствие данного сценария заключается в атомизации целостности культуры, что противоречит самому духу глобализации. Также реакция может выражаться в активном неприятии и усилении враждебности и агрессии в ответ на активное навязывание определенной культурной доминанты, которые проявляются в виде отрицания, борьбы, подкрепленных религиозными, культурными обоснованиями. Примерами могут служить движение «Black Lives Matter» в США, агрессивное противостояние сторонников и противников политики политкорректности и мультикультурализма. Данные течения затрудняют позитивный диалог между взаимодействующими культурами на определенной территории, и превращают реальный конструктивный диалог в так называемую «иллюзию диалога»(Ж. Бадрийяр).

Позитивные моменты влияния процессов трансформации культуры, обусловленных глобализацией на становление личности современные ученые прослеживают в увеличении игрового восприятия мира, формировании множества вариантов и возможностей перемещения между или внутри социальных и культурных групп, возможности выбора своего культурного пути. Как представляется, все это можно воспринимать в качестве «подготовки к переходу на новые парадигмальные позиции и отношения, которые в конечном итоге ведут к снижению уровня враждебности <...> путем перевода культурных феноменов из состояния «чужого» в состояние «другого», разрешая, таким образом, баланс между различием и неприятием»[6, с.115].

Итак, в статье было выделено несколько основных особенностей отражающих специфику происходящих в современной культуре трансформационных процессов. Суммируя все вышесказанное, можно подвести общий итог. Так, основной вектор движения социокультурных процессов сегодня задает *глобализация*, которая в свою очередь обуславливает характер модификаций социальных и культурных единиц.

К основным же особенностям трансформации можно отнести:

- *Смещение*, проявляющее себя и в качестве социокультурных сдвигов, совмещающих и разводящих различные культурные ниши, локальные культурные образования, меняющих границы и провоцирующих передвижения культурных акцентов из центральных в периферийные области и наоборот.

- *Наложение* культурных единиц, как своеобразную складку, обоснованную *плюралистической* направленностью происходящих в обществе и культуре событий. Одновременное параллельное сосуществование и переплетение в поле культуры разнонаправленных потоков провоцирует неоднозначность в оценке трансформационных изменений культурного образца.

- *Столкновение* различных культурных форм и форматов, обусловленное активным *синтезом и диалогом* во всех социальных и культурных сферах. Это особенно заметно в границах цивилизационных разломов, местах, где тесное соприкосновение «своей» и «чужой» культурной традиции происходит

длительное время и приводит к изменениям смыслового поля каждой из взаимодействующих культурных единиц.

В заключение хочется отметить, что представленная в исследовании трактовка не является однозначной, исчерпывающей, и не претендует на целостный охват всех форм и особенностей культурных изменений. Значимость проведенного анализа состоит в том, что он открывает возможности продолжения научных изысканий как в направлении поиска актуальных векторов культурного развития сегодня, так и в углублении исследований частных форм и аспектов культурной жизни, на основе выведенных автором особенностей.

Список литературы

1. Астафьева, О. Н. Взаимодействие культур: динамика моделей и смыслов // Вопросы социальной теории : альманах-ежегодник. – М., 2012. – Т. 6. – С. 97-107.
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445с.
3. Библер, В.С. Культура. Диалог культур // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31-42.
4. Генон, Р. Кризис современного мира / Р. Генон. – М.: Академический проект, 2018. – 265с.
5. Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития / Арбатов А.Г. и др. – М.: Альпина Паблишер, 2003. – 592с.
6. Гуткин, О. В., Листвина, Е. В., Петрова, Г. Н., Семенищева, О. А. Феномен культурного пространства / О. В. Гуткин, Е. В. Листвина, Г. Н.Петрова, О. А.Семенищева. – Саратов: Научная книга, 2005. – 138с.
7. Дианова, В.М. Культурный плюрализм в условиях глобализации // Россия и Грузия: диалог и родство культур. / Материалы международного симпозиума (Тбилиси, 3–6 сентября 2003 г.) – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С.93-103. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/dianova-vm/kulturnyy-plyuralizm-v-usloviyah-globalizacii> (дата обращения: 24.12.2021).
8. Каган, М.С. Глобализация как закономерность процесса развития человечества в XXI веке // Личность. Культура. Общество. –Т.6. – 2004. –Вып. 4 (24). – С. 152-170.
9. Кармин, А.С. Основы культурологии: морфология культуры. / А.С.Кармин. – Спб., Изд-во «Лань»,1997. – 512 с.
10. Осипов, Ю.С. Сущность глобализации // Вызовы глобализации. – М.: Изд-во РАН, 2008. – С.11-17.
11. Хачатурян, В.М. К проблеме трансформаций культурного пространства в эпоху глобализации: гибридизация и анклавизация // Культурологический журнал. 2013. №1(11) Режим доступа: http://cr-journal.ru/rus/journals/185.html&j_id=13 (дата обращения: 24.12.2021).

ОБРАЗ ОБЪЕКТА СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Перехода М.А.
Университетский колледж ОГУ

На основании анализа онтологической обусловленности гносеологических особенностей восприятия субъектом объекта познания автор обосновывает конструирование образа объекта как результата познания. Предпринята попытка раскрыть специфику значения дифференциации объекта и образа для социогуманитарных наук.

Философский дискурс не единожды был обращен к вопросам познаваемости окружающей действительности. Ученые Древней Греции предполагали наличие так называемых эйдосов, идей. Причем данная философская интенция была присуща не только идеалистической линии. Демокрит упоминал о гносеологической возможности человека, реализуемой благодаря эйдосам, неотделимым от вещей частям, способных вбирать в себя характеристики данного объекта.

На протяжении всей истории философии встречаются разнообразные трактовки категории «образ». Особое внимание следует уделить упоминанию работ по данному вопросу современных отечественных философов [1; 2; 3; 4; 5]. И.А. Беляев и А.М. Максимов в своей работе «Граница и предел: к соотношению понятий», подымая вопросы локализации, границы и предела, отмечают, что образ, будучи идеальной сущностью, конструируемой с помощью понятийно-терминологического аппарата, отражает множество явлений реальности [5, с. 15].

Представим определение понятия «образ объекта» социогуманитарного познания сообразно нашей философской позиции. Образ объекта социогуманитарного познания – это репрезентант объекта субъективной реальности, специфически сконструированный человеком и опосредованный им с помощью коммуникации в процессе различных контекстов опыта.

В своём исследовании мы использовали философскую концепцию Д.И. Дубровского. Отечественный мыслитель рассматривает субъективную реальность с помощью четырёх взаимосвязанных категориальных планов: онтологического, эпистемологического, аксиологического и праксеологического [6]. Исходя из особенностей нашего исследования, а именно - онтологической интерпретации специфики гносеологических способностей субъекта, мы можем предположить наличие непосредственной связи данных планов как контекста опыта субъекта.

Контекст опыта, согласно нашим представлениям, являет собой всю совокупность человекообразной действительности, опосредованную взаимосвязь субъективной реальности как континуума отображаемых ею онтологических, эпистемологических, аксиологических и праксеологических составляющих целостного мира. Контекст опыта конструирует исторический модус антропосоциального бытия. Социогуманитарное же познание,

выступающее как элемент контекста предстаёт, таким образом, модусом антропосоциального бытия.

Сформулированные выше положения допустимо полагать достаточным основанием для утверждения о том, что конструирование образа объекта опосредовано суммой операций, производимых с этим объектом [7].

Специфически-онтологическое влияние контекста на объект социогуманитарного познания находит результирующее выражение в одном из возможных конструктов его образа. Следовательно, онтологическое влияет на онтическое. Особенности данного подхода к разработке обсуждаемых вопросов отобразим в нижепредставленной структурно-логической схеме (рисунок 1).

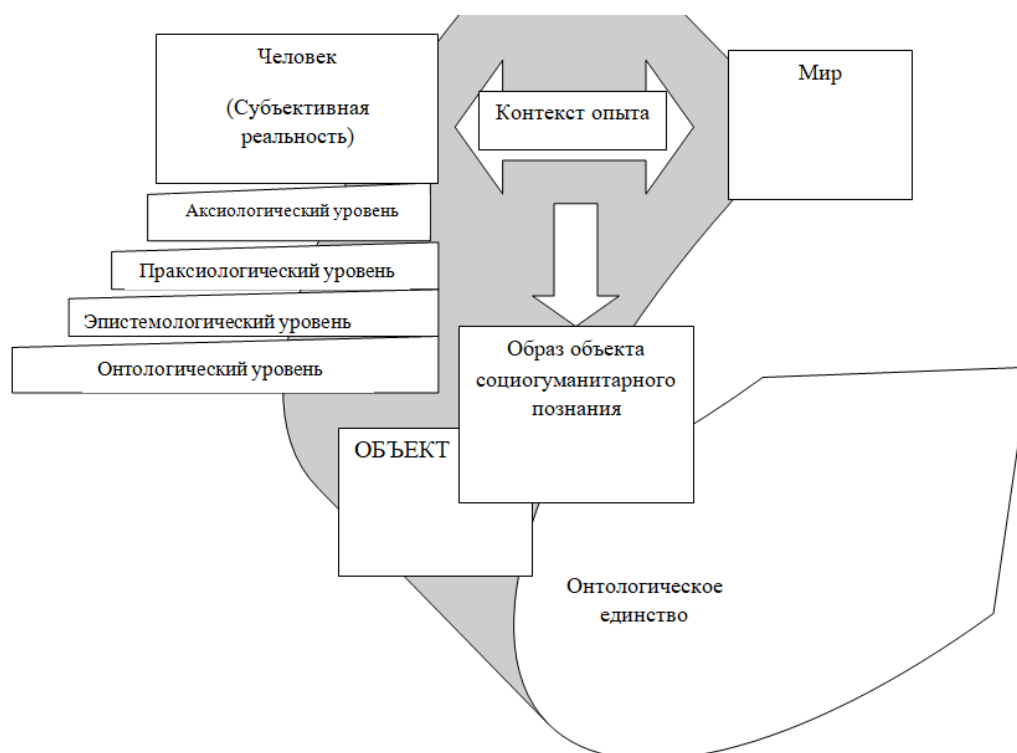

Рис.1 Топос объекта социогуманитарного познания

В свете вышеизложенного отметим, что бытие есть абсолютная полнота (от лат. *ess* – есть, истое), в которой сняты все диалектические противоположности. Сопрягая в себе эти противоположности, бытие образует онтологическое единство. Следовательно, образ объекта, как квинтэссенция его идеального бытия, предстает средством выражения мысли субъекта познания, определенно содержа в себе элементы рационального познания. Таким образом, стоит согласиться с Б.Г. Соколовым, и подвести итог рассуждений его словами: задача процесса познания состоит не в открытии нового, а в том, «чтобы правильно истолковать уже сказанное» [8, с.10].

Список литературы

1. Рахматуллин Р.Ю. Интеллектуальный образ в контексте синтетической парадигмы Д.В.Пивоварова // Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение сборник материалов конференции. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – 2019. – С. 99-102.
2. Пивоваров Д.В. Основные категории онтологии. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2003. – С.268.
3. Семенова Э.Р., Рахматуллин Р.Ю., Столетов А.И. Образ как результат генерализации научного знания // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2018. – № 10. – С. 72-76.
4. Дегтярев Е. В. Единство объекта технического знания: некоторые особенности и аспекты // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 9. – С. 4-8.
5. Беляев И.А., Максимов А. М.. Граница и предел: к соотношению понятий // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2018. – Т. 13. – № 4 (182). – С. 14-19.
6. Дубровский Д.И. Субъективная реальность // Философская антропология. – 2018. – № 2. – С. 186-217.
7. Федяев Д.М., Федяева Л.В. От операции к предметному знанию: индивид и сообщество // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 10. – С. 61-65.
8. Соколов Б.Г. Герменевтика метафизики. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1998. – 224 с.

К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИДЕЙ САТАНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Перцева У.С.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Оренбургский государственный педагогический
университет»**

Само понятие массовой культуры вошло в научный категориальный аппарат относительно недавно, и, соответственно, все еще прочно ассоциируется с его классической трактовкой — парадигмально обоснованным противопоставлением культуры «для широкой аудитории» культуре элитарной (возвышенной), что было подробно раскрыто в научных изысканиях испанского философа Хосе Ортега-и-Гассета [1]. Однако мы не должны упускать из виду, что на сегодняшний день ведущие исследователи данной области единогласно сходятся во мнении, что представления обо всей культуре в целом как о двух диалектически-противоборствующих компонентах далеко не в полной мере отражают ее сущностные характеристики, что подтверждается хотя бы тем, что в общественной культурной практике границы элитарности (равно как и массовости) любого культурного образования, рассмотренные через призму глобального информационно-коммуникационного пространства, очень и очень размыты. Следовательно, в контексте данного исследования под массовой культурой мы будем иметь ввиду следующее: «особенностями массовой культуры выступают ориентация на вкусы и потребности «среднего человека», высокая гибкость, способность трансформировать артефакты, созданные в рамках других культур, и превращать их в предметы массового потребления...» [2, с. 51].

Одним из спорных и весьма своеобразных компонентов глобальной массовой культуры мы склонны считать феномен современного сатанизма, который и представляет собой так называемый артефакт «инородного» для широкого потребителя культурного кода, который сегодня превратился в яркий образец некой философской загадки для внушительного пула кроссдисциплинарных исследований — они, пытаясь выйти за рамки устоявшихся концептуальных границ (но все же опираясь на традиционный для такого рода исследований перечень методологических подходов) могут принимать сатанизм за либо стереотипического представителя новой волны нетрадиционной религиозности, либо за контркультурный маркер потенциального возрождения декадентских настроений европейского нигилизма, или же за субкультурное новообразование на постоянно изменяющемся организме «нового», эклектичного человечества.

Мы же полагаем, что сегодня под сатанизмом следует понимать «движение левого крыла (прямой леворадикальной направленности), под чем подразумеваем ориентацию на непосредственную поддержку и даже открытую пропаганду социально-политических и экономических ценностей

наддемократического толка, то есть выступление за максимально возможное снятие ряда социальных ограничений и культурных табу, сужение границ допустимого государственного и религиозного вмешательства в личную жизнь отдельных граждан, пересмотр интимных межличностных границ и сексуальных норм поведения, а также околосветское идеологическое начало во всех сферах жизни общества» [3, с. 91].

В контексте данной работы мы настаиваем на необходимости рассмотрения сущностно значимых характеристик вышеназванного феномена через призму прикладной философо-культурологической методологии, для чего обратимся к синтетической концепции видного отечественного ученого Даниила Валентиновича Пивоварова, в контексте идей которого образно раскрывается специфика экзистенции современной культуры посредством следующих положений: «культура – это идеалообразующая сторона жизни людей; идеалы культуры делятся на базовые (сакральные) и производные (светские); базовые идеалы сосредоточены в основополагающем священном тексте, представляющем собой твердое ядро культуры; производные идеалы, будучи воплощенными в различных видах практики, локализованы в защитном поясе культуры» [4, с. 314].

Напомним, что согласно парадигме Д.В. Пивоварова, трактовка базовых идеалов культуры (равно как и вторичных, производных от них светских идеалов) заключается в их отношении к твердому ядру этой культуры, которое выстраивает содержательную значимость названных ценностей для сочувствующих идейных представителей исходя из ключевого смыслообразующего компонента — так называемого священного текста: «идеалы, проистекающие из содержания данного текста, задают, с одной стороны, высший смысл жизни лояльным индивидам и, с другой стороны, предоставляют им некоторую свободу выбора деталей содержания мироотношения и мировоззрения» [5, с. 64].

Даже поверхностный контент-анализ популярных продуктов отечественной медиаиндустрии позволил нам прийти к выводу, что сегодня наблюдается существенное изменение общественных настроений по отношению к теме сатанизма в целом — первоочередно это выражается в прочтении его фундаментальных идей как специфического для нашей эклектичной эпохи культурного феномена со своей этико-моральной концепцией; таким образом, мы наблюдаем поступательный отказ от трактовки его как веровательно-религиозного течения нетрадиционного и (или) деструктивного толка.

На наш взгляд, основная тенденция репрезентации сатанизма в актуальном коммуникационном пространстве сегодня значителее скорее как нейтральная или «любопытствующая», нежели осуждающая и стремящаяся вызвать определенные опасения у аудитории. Например, позиция авторов популярного онлайн-издания о современной отечественной культуре, ориентированного в основном на молодую аудиторию, заключается в следующем: «молодежные субкультуры выбирали сатанизм в качестве очень

удобной обложки для своего нонконформизма, неумной агрессии, желания скандалить и эпатировать, роль Сатаны сводится к социально-культурной ширме, образу, который придает действиям осмысленность и некий стиль, а также позволяет найти единомышленников» [6].

Основной информационный поток массовой культурной репрезентации сатанинских образов сегодня практически не обнаруживает в себе элементов какой-либо популяризации его сакральных, непосредственно базовых идей — по большей части, он реализует тенденцию точечной, личностно-окрашенной трактовки основополагающих ценностных ориентиров конкретными индивидами, лояльными относительно взглядов леворадикального сатанизма. Как правило, речь идет об интервью, в которых собеседники анализируют пропущенное через себя (пусть и несколько искаженное) видение профанных идеалов защитного пояса культуры, которой придерживаются: «настоящие сатанисты в моем понимании ни во что не верят. А обряды вроде упомянутых тобой — это основа дьяволопоклонничества. Их проводят язычники, религиозные еретики — те, для кого ритуал — это не пародия на нелогичные действия. Это фанатики, не более того» [7].

Подводя итоги вышесказанному, нельзя не упомянуть точку зрения представителей традиционной для отечественной культуры религиозности, которые, несмотря на сложившиеся ожидания касательно их мироотношения, сегодня все же предпринимают попытки отказаться от позиции непримиримой категоричности относительно проистекающих социо-культурных метаморфоз, лишь подтверждая нашу идею о том, что злободневность подобных вопросов буквально требует к себе более пристального внимания со стороны науки: «вопросы культуры и искусства – достаточно сложные. Их нельзя решать в одночасье, объявляя сатанизмом все не понравившиеся кому-то направления» [8].

Безусловно, не только ввиду повсеместных споров о содержании сакральных и производных идеалов культуры сатанизма, но и по причине условного возрождения неподдельного интереса к этой теме у медиа-аудитории, актуальность конкретных философских разработок и аналогичных научных изысканий по данному вопросу остается достаточно острой — не столько вопреки, но больше благодаря устоявшейся полярности традиционных взглядов на этот феномен. Полагаем, что именно сегодня мы обладаем возможностью наиболее тщательного и глубокого исследования проблематики репрезентации идей современного сатанизма в идеалообразующей стороне нашей жизни.

Список литературы:

1. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2016. 256 с.
2. Минаков И.П., Ханова Р.В. Феномен массовой культуры // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 10. С. 51-55.

3. Перцева У.С. Мироотношение сторонников современного леворадикального сатанизма: определение понятий // Вестник Омского университета. 2021. Т. 26. № 2. С. 90-93.

4. Беляев И.А., Максимов А.М. Кризис современной отечественной культуры в контексте идей Д.В. Пивоварова // Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение : сборник материалов конференции. — Екатеринбург : Деловая книга, 2019. — С. 314-317. URL: <http://hdl.handle.net/10995/78192>.

5. Беляев И.А. Базовые идеалы современной культуры в контексте идей Д.В. Пивоварова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 10. С. 64-66.

6. Исаева А. Эгоизм, гедонизм и право не любить ближнего: что такое современный сатанизм // Онлайн-путеводитель по современной России «Royal Cheese». 2019. URL: <https://royalcheese.ru/education/egoizm-gedonizm-i-pravo-ne-lyubit-blizhnego-chto-takoe-sovremennyj-satanizm/>.

7. Тритоногенон Л. «Сатанисты — это не дьяволопоклонники, не надо нас путать». Интервью с Фаустом — единственным сатанистом на всю православную Абхазию // Онлайн-журнал «НОЖ». URL: <https://knife.media/abkhazian-satanist/>.

8. Рыбко С. Современная культура: сатанизм или богоискательство? // Православный портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/sovremennaya-kultura-satanizm-ili-bogoiskatelstvo>.

КИНОЭКСПРЕССИОНИЗМ НЕМЕЦКОГО РЕЖИССЕРА ФРИЦА ЛАНГА

Сербаев Р.А.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Оренбургский государственный университет»**

Кинематограф за свою долгую историю плавно переходил из разряда коллективного явления в индивидуальное. Современные кинокритики и рядовые поклонники в первую очередь обращают внимание на создателя киноленты, а не на место создания картины и эпоху [5]. Постепенно художественные направления в кинематографе исчезают, уступая место личным средствам самовыражения режиссера. В наши дни уже не так просто определить четкие критерии для целых режиссерских групп или творческих течений. Однако всего лишь 100 лет назад арена кинематографа была наполнена различными направлениями, которые как соперничали, так и дополняли друг друга. В это время кинотворцы еще не имели необходимых языковых средств и художественных приемов для передачи собственных идей на экране. Выход был либо во вхождении в уже созданные течения с подстраиванием своих замыслов под необходимые рамки, либо пойти на риск и экспериментировать.

К началу 20-х годов XX века зародилось несколько авангардных движений кино-революционеров, нашедших вдохновение в послевоенном времени: во Франции – импрессионисты с их сюрреалистичной передачей образов в картинах, ставших основанием для кинолент «Новой волны» в будущем. В Германии же зародился экспрессионизм, от которого пошли такие современные жанры, как ужасы, триллеры, нуарные детективы и т.д. В первопричинах экспрессионизма лежал страх немецкого народа, переживавшего последствия Великой войны, будучи отделенным от остального мира. Тревога из-за того, что дальше все может быть только хуже (с нашей точки зрения, например, приход к власти нацистской партии и весь дальнейший ход истории), повлияла и на киноискусство. Непобедимое и необъятное зло, поглощающее окружающий свет, стало главным элементом в этом направлении [6].

В немецком киноэкспрессионизме доминировали мрачные фильмы, однако не всегда они были ужасами [4, с. 43]. Пессимизм и гнетущие настроения находили свое место и в фильмах, основанных на мифологических и научно-фантастических сюжетах. Независимо от жанра фильма, экспрессионисты показывали бесконечную борьбу воли и режима, в которой герой подвергается притеснению от всеобъемлющего образа зла.

Одним из самых значимых режиссеров той эпохи был Фриц Ланг, начавший писать рассказы (ставшие далее сценариями к его фильмам) в госпитале во время Первой мировой войны. С дебюта в 1919 году с фильмом «Харакири» Ланг наполняет свои дальнейшие работы мрачностью, тоской и

ощущением бесконечного страдания – для экспрессионистов это стало своеобразным освобождением от ужаса разрушения во время войны и осмыслением итогов.

Став заметной фигурой среди экспрессионистов, Ланг экспериментировал с жанром в своих картинах. В отличие от другого видного представителя течения Фридриха Мурнау, Ланг показывал зло не только как сверхъестественный дух, но и в виде порочного человека. Например, один из самых известных персонажей картин Ланга – злодей доктор Мабузе – изображался гротескно, с мертвенно-бледным лицом и взглядом фаустовского демона. История о Мабузе растянулась на целую трилогию о психологегипнотизере, который вместе со своей шайкой противостоит карикатурной полиции. Гениальный король преступного мира, то и дело обводящий вокруг пальца элиту, представлялся как невидимая рука города, возвышающаяся над ним и готовая в любой момент раздавить всех вставших на его пути [2]. Но этот «непобедимый дьявол» одновременно показывался и как мелкий шулеркартежник, в чем видится дуализм, типичный для персонажей картин Ланга. Эта двойственность персонажа носила в себе черты приземленности, которая была свойственна другому течению той поры – «новой вещественности», выступавшему как главный соперник экспрессионизма. Ланг не откидывал материальность и действия, а применял их в своем видении борьбы добра и зла в лице вездесущего Мабузе. Погони стражей порядка за бандой доктора в гротескно-огромных помещениях с неправильными проемами окон и дверей, подчеркивающих незначительность людей, создавали необходимые элементы атмосферы напряжения и тревоги.

Следующей заметной вехой в творчестве Ланга стал фильм «Метрополис», считающийся самой дорогой картиной эпохи экспрессионизма. Футуристический мегаполис дал возможность для реализации любых жанровых приемов режиссера. Возвышающиеся небоскребы города представали перед зрителем вершинами Олимпа для богатых и влиятельных, величественность и роскошь контрастировали с подземельями, наполненными многочисленными рабочими. Человек на фоне этих монументальных высот размывался, масштаб окружения стирал личность [7].

В эпоху черно-белого и немного кино для нагнетания необходимой атмосферы режиссеры использовали специальные трюки. Для создания наибольшего эффекта напряжения среди экспрессионистов был распространен прием наполнения пространства в кадре диагональными линиями вместо прямых. Необычный угол съемки добавлял действию неявное смятение. Город «Метрополиса» выстроен в таком виде, где тень выстраивалась в пирамиды, заключающие героев в «сюрреалистические тюрьмы».

В других темных местах этого города, в подземельях, в окружении огромных гудящих механизмов, множество рабочих служило винтиками системы для процветания богачей в небоскребах Метрополиса. Этот сюжет устрашал обычных людей, опасавшихся, что трудящуюся часть общества раздавит грядущая индустриализация на благо страны. Страшная перспектива

будущего, растущий авторитаризм власти стали тем самым вездесущим злом для экспрессионизма [1].

Со временем у Ланга эта концепция претерпевает изменения. В первом звуковом фильме «М» неуловимое зло меняет образ невидимой всеобъемлемости, которую невозможно победить, на маньяка, похищающего детей. Общество соотечественников показывается в сюрреалистическом ключе упадочным, беспомощным и не способным справиться с преступником. Единственная сила, противостоящая злодею, оказывается криминальной бандой, контролирующей улицы. Сам маньяк, когда он не отдается своим преступным желаниям, является зеркалом того же общества – слабым и никчемным. С помощью режиссерских приемов Ланг показал, на каком моральном дне оказались люди после войны [8]. Типичные для экспрессионистских картин огромные пустые пространства улиц города с течением сюжета сокращаются до размеров подвала. В финале этой истории преступник напрямую сталкивается с разъяренной толпой в абсолютной тишине – пик противостояния, изображенный на экране без какого-либо гротеска, высота, к которой экспрессионизм тянулся на протяжении всего своего существования. Баланс бледных, словно в театральном гриме, лиц и непроглядной темноты добавлял ощущение нереальности происходящего.

Через фильм «М» Ланг, все больше вдохновляясь «новой вещественностью», делал шаги в сторону реализма. Акцент смещался на окружающие людей объекты, а не на самих людей и их противостояние неосязаемому злу. «Завещание доктора Мабузе» – последний фильм Ланга из его «немецкого периода», в котором еще ярче заметен его переход к материализму. Сам Мабузе, в первом фильме представлявший собой гения преступного мира, в этой части уступает место бандитам, нарушающим закон от его имени. Фантастика отошла на задний план, уступив место криминальным разборкам в городе. Как и в мире, в котором жил Ланг, зло из недосыгаемого существа трансформировалось в известных нам по истории этого периода личностей [6]. Часы как символ неуловимо идущего времени были во многих фильмах режиссера, но в «Завещании» они словно отсчитывали минуты до его бегства от экспрессионизма и из набирающей силы нацистской Германии. Финал второго фильма о Мабузе ставит в карьере Ланга – в его экспрессионистской эпохе – жирную точку: окружающая реальность скорой катастрофы полностью заменяет мистику.

То самое зло, которое рисовали в своих кинолентах режиссеры, победило – Гитлера назначили рейхсканцлером Германии, что дало начало новому этапу истории. Ланг же бежал в Нью-Йорк, так напоминая ему Метрополис с его исполинскими небоскребами и неоновыми вывесками [9]. Фриц Ланг дал экспрессионизму свое видение мира, в его руках жанр пережил свой расцвет, на который ориентировались многочисленные поколения режиссеров. Ланг изменил кинематограф, но в миг, когда порицаемые им кошмары стали жуткой явью, оказался перед ними бессилён.

Список литературы

1. Гавришина, А. В. Категории советского и немецкого кинематографа 1920-х годов [Электронный ресурс] / А. В. Гавришина. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15520021> (дата обращения 21.12.2021).
2. Зольников, М. Е. Ранние фильмы Фрица Ланга в контексте киноэкспрессионизма 1910-1920-х гг. («Усталая смерть» и «Нибелунги») [Электронный ресурс] / М. Е. Зольников. – Режим доступа: <https://www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/16.html> (дата обращения 26.12.2021).
3. Зольников, М. Е. Немецкое кино 1920-х в русской и зарубежной науке 20-го столетия: старое и новое в подходах» [Электронный ресурс] / М. Е. Зольников. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskoe-kin-1920-h-v-russkoj-i-zarubezhnoj-nauke-hh-stoletiya-staroe-i-novoe-v-podhodah> (дата обращения 19.12.2021).
4. Комм, Д. Е. Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов / Д. Е. Комм. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012. – 222 с.
5. Критик Антон Долин рассказал о кинодостижениях Германии [Электронный ресурс]: лекция, прочитанная 13.09.2014 г. на фестивале «Немецкий в кубе». – Режим доступа: <http://www.m24.ru/articles/57522> (дата обращения: 29.12.2021).
6. Акопян, О. Л. Германия после Первой мировой войны: от унижения к нацизму [Электронный ресурс] / О. Л. Акопян. – Режим доступа: <http://www.zakonia.ru/analytics/57/52556> (дата обращения: 02.01.2022).
7. Довгели, К. Отец немецкого киноэкспрессионизма Фриц Ланг [Электронный ресурс] / К. Довгели. – Режим доступа: <https://diletant.media/articles/30226098/> (дата обращения: 23.12.2021).
8. Роман, С. Н. Идеино-художественные особенности кинодиалогии Фрица Ланга “Пауки” (1919, 1920) в контексте социально-культурной жизни Германии после Первой мировой войны [Электронный ресурс] / С. Н. Роман // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/idejno-hudozhestvennye-osobennosti-kinodilogii-fritsa-langa-pauki-1919-1920-v-kontekste-sotsialno-kulturnoy-zhizni-germanii-posle-pervoy> (дата обращения: 27.12.2021).
9. Ушаков, К. Фриц Ланг: Свет / Фриц Ланг: Тьма [Электронный ресурс] / К. Ушаков. – Режим доступа: <https://www.deaddinos.ru/articles/fritz-lang-light> (дата обращения: 14.12.2021).